

Полицейский порядок эпохи абсолютизма в России и причины его краха в ходе Февральской революции 1917 года*

Владимир Попов

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ

Адрес для корреспонденции: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Российская Федерация 101000

Email: va-popov@yandex.ru

В статье предпринята попытка охарактеризовать полицейский порядок эпохи абсолютизма в России (конец XVII — начало XX века) как режим принуждения. В то время как европейские государства освобождались от форм феодальной зависимости, в Российской империи вплоть до конца XVIII века усиливалась крепостная зависимость основной массы населения — крестьян центральной и черноземной России. Утверждается, что абсолютизм испытывал хронический дефицит ресурсов легитимации. Этот дефицит в петровскую и екатерининскую эпохи компенсировался периодическим наращиванием репрессивного полицейского аппарата под прикрытием заимствованной из европейских государств идеологии камерализма. В первой трети XIX века, вследствие политического кризиса режима принуждения, происходит смена идеологического декора камерализма на консервативную формулу «православие, самодержавие, народность». В конце XIX века осуществляется последняя идеологическая трансформация, обусловленная политическим кризисом 1870-х годов: на передний план выдвигается религиозное санкционирование неограниченного самодержавия. Выдвигается теоретическая концепция, согласно которой основную угрозу стабильности режиму принуждения несли процессы дефляции власти, форсированных структурных изменений общества в результате военных мобилизаций и ситуативные формы политизации на основе обострённого восприятия власти как зла, которое невозможно больше терпеть. На историческом примере Февральской революции 1917 года демонстрируется, что темпоральное совпадение этих трех процессов, достигших наивысшей интенсивности в ходе Первой мировой войны, привели к краху российского абсолютизма и характерного для него полицейского порядка.

Ключевые слова: дефляция власти, историческая социология, политизация, полицейский порядок, принуждение, революция, структурные изменения.

© Попов В. А., 2014

© Центр фундаментальной социологии, 2014

* Статья выполнена в рамках проекта Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ «Спонтанные и навязанные порядки социальной жизни: модусы взаимодействия и трансформаций».

«На исходе 1916 года все члены государственного тела России были поражены болезнью, которая уже не могла пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами...»

Блок А. «Последние дни императорской власти»

I

«Записки о революции» Николая Суханова начинаются с чрезвычайно интересного бытового описания¹.

«Был вторник 21 февраля [1917 года. Место действия Петроград. — В. П.]. Я сидел в своём кабинете в своём «туркестанском» управлении. За стеной две барышни-машинистки разговаривали о продовольственных осложнениях, о скандалах в хвостах у лавок, о волнении среди женщин, о попытках разгромить какой-то склад.

— Знаете, — заявила вдруг одна из барышень, — по-моему, это начало революции!» (Суханов, 1991: 48)².

Суханов непроизвольно заострил внимание на этом восклицании, но с облегчением переведя дух, иронически проронил, да можно ли поверить каким-то эмоциональным суждениям барышень? Что они вообще понимают в революциях? Революция — это что-то из разряда невероятного. Однако неожиданно для самого себя затем машинально произнёс вслух: «Да, это начало революции».

Что же подтолкнуло Суханова, критичного и скрупулёзного наблюдателя, к такому спонтанному выводу? Он вдруг словно бы озарился: а ведь разворачивающиеся события в городе приобретают совершенно несвойственное измерение, в чём-то уже знакомое ему по 1905 году. Множащиеся митинги выходят за пределы привычных протестных акций, улицы наполняются каким-то небывалым возбуждением, но самое главное — исчезает ощущение незыблемости, казалось бы, раз и навсегда данного порядка. И это чувство, отмечает он, непременно усиливают действия самой власти, которая уже в эти первые дни волнений проявляет нерешительность и слабость. «Пресечь движение в корне — всем аппаратом, налаженным десятилетиями, — уже явно не удавалось. Город наполнялся слухами и ощущением беспорядков», — записывает Суханов (Суханов, 1991: 49).

Однако беспорядки — далеко ещё не революция, а вялые действия полицейских сил — ещё недостаточное свидетельство беспомощности и поражения власти. Тем не менее ближайшие события всё явственнее указывали на то, что в Петрограде стремительно формируется политическое единство горожан, образуется

1. Николай Николаевич Суханов (1882–1940) — экономист, публицист, участник революционного движения, член Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов (27 февраля 1917 г. — июнь 1918 гг.).

2. Там, где не указано в специальном порядке, даты приводятся по старому юлианскому календарю, действовавшему в России до конца января 1918 года.

сплочённый лагерь против «военно-полицейского врага». Бытовые зарисовки Суханова во множестве деталей отражают эти обстоятельства: незнакомые люди активно вступают в контакты друг с другом, быстро находят общие темы, распевают запрещённые властью революционные песни, организуются в большие и малые группы, поднимают красные флаги, вступают в стычки с полицией. Исключительный энтузиазм горожан словно бы подпитывается стихийно возникшей верой в то, что режим дрогнул, что стена, разделяющая власть и общество, не такая уж непробиваемая. Дальнейшие события подтвердили предчувствия Суханова. Утром 27 февраля к восставшим присоединились воинские части 180-тысячного Петроградского гарнизона. К вечеру старый режим и олицетворявший его полицейский порядок рухнули.

Город пребывал в состоянии эйфории. Передавая дух тех триумфальных настроений, Суханов так описывал свои переживания позднего вечера 28 февраля:

«Я... впервые шёл по свободному городу новой России. Мои деловые рассуждения то и дело пронзались светлыми снопами острой радости, торжествующей гордости и какого-то удивления перед тем необъятным, лучезарным и непонятым, что свершилось в эти дни. <...> Да, дело революции было безвозвратно выиграно! Вспоминались солдаты, сдравившие утром портрет Николая. Николай ещё гулял на свободе и назывался царём. Но где был царизм? Его не было. Он развалился одним духом. Строился три века и сгинул в три дня» (Суханов, 1991: 126).

Что придавало уверенность таким решительным выводам Суханова? Почему он с такой легкостью упивается необратимостью события? Откуда вдруг ощущение новой, свободной России? Возможный ответ на эти вопросы лежит в плоскости самих произошедших событий: на глазах у петроградцев за истекшие несколько дней пали внешние символы старого режима, были сметены полицейские силы, обеспечивавшие режиму его полновластие. К концу 28 февраля царское правительство было арестовано. Восставшие горожане и воинские части разгромили Петроградское охранное отделение, участки полиции, казармы жандармских рот, захватили городские тюрьмы Кресты, Литовский замок, Шпалерку, выпустили заключённых, некоторые тюрьмы полностью сожгли. За внешним полицейским фасадом оказалась пустота. Царский режим в столице никто не решился защищать.

Упоение свободой, охватившее не только одного Суханова в те февральские дни, одновременно чувствовалось не только как освобождение от внешних сил старого режима, но и как шанс зарождения чего-то нового на месте старого. На переговорах в ночь с 1 на 2 марта с членами Временного комитета Государственной Думы от имени Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Суханов настаивал на том, что для обеспечения обрётённых в революции свобод необходимо упразднение старой полиции и замена её народной милицией, не подчиненной центральной власти (Суханов, 1991: 142)³. Временное правительство приступило к

3. Николай Суханов входил в делегацию Исполнительного комитета Петроградского Совета ра-

решению этого вопроса в первые дни своего существования. Уже 4 марта ликвидируются Охранные отделения, Отдельный корпус жандармов, железнодорожная полиция. Меры нового правительства практически нигде не встречают серьёзного сопротивления со стороны сил прежнего царского режима, а воспринимаются так, словно бы эти изменения с нетерпением ожидались в обществе.

Современного наблюдателя, как в своё время и самих участников Февральских событий, по-прежнему невольно озадачивает та невероятная легкость, с которой потерпел сокрушительное фиаско, казалось бы, образцовый полицейский порядок в столице Российской империи, а затем и на всей её территории⁴. Порядок, к укреплению которого со стороны абсолютизма систематически прилагалось множество организационно-правовых усилий, особенно в ходе полицейской реакции Александра III (1881–1894)⁵. «Россия оказалась первой страной, — отмечает историк Ричард Пайпс, — заведшей у себя две полицейских системы — одну для защиты государства от граждан, а другую — для защиты граждан друг от друга» (Пайпс, 1996: 20). Незыблемость установленного полицейского порядка, по всей видимости, настолько была укоренена в сознании современников, что даже радикальные революционеры видели только одну возможность его изменения — в результате проигрыша России в мировой войне. И даже эту возможность считали маловероятной⁶. Тем не менее Февральские события наглядно показали, что к этому времени абсолютизм представлял собой «колосс на глиняных ногах». Как отмечал А. Блок, входивший в учреждённую Временным правительством Чрезвычайную комиссию по расследованию противозаконных по должности действий бывших министров, к концу 1916 года возможности власти поддерживать порядок в обществе катастрофически уменьшились. Почему это случилось?

Февральской революции и объяснению её причин посвящено великое множество литературы: от мемуаров свидетелей и участников до последующих работ историков и обществоведов нескольких поколений. Кажется, вряд ли можно сказать что-то новое о тех событиях, найти и раскрыть феномены, хотя бы в какой-то мере ускользнувшие от внимания мемуаристов и исследователей. Однако всегда остаётся возможность изменить исследовательскую оптику и взглянуть на известные события под иным углом зрения. Такой поворот мотивируется неудовлетворенностью рядом по-прежнему популярных интерпретаций. Прежде всего

бочих и солдатских депутатов на переговорах с Временным комитетом Государственной Думы, состоявшихся в Таврическом дворце в ночь с 1 на 2 марта, по выработке принципов деятельности и организации нового правительства. Эти переговоры заложили программу действий Временного правительства, сформированного к вечеру 2 марта.

4. «...Крушение власти оказалось неожиданностью и „чуждом“; скорее, просто неожиданностью, как крушение поезда ночью, как обвал моста под ногами, как падение дома», — метафорически записал в своем дневнике 25 мая 1917 года Александр Блок (Блок, 2012: 115).

5. Речь идёт прежде всего о принятом Александром III Положении «О мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия» (14 августа 1881 г.). Это полицейское Положение, в частности, В. Ленин называл «фактической российской конституцией» того времени.

6. Известно, например, выражение В. Ленина, произнесенное им в начале января 1917 года: «Мы, старое поколение, не увидим будущей революции...»

неудовлетворенностью ответами на вопрос, почему так скоростно распалась монархия и олицетворявшее её полицейское государство. Существуют, по меньшей мере, три распространённые интерпретации этого распада. Они группируются вокруг теории прогресса, теории заговора и теории случайности, для каждой из которых характерны специфические логики объяснения событий (Шанин, 1997: 16–18).

В рамках теории прогресса Февральская революция — это неизбежный этап на пути развития общества к более совершенным и справедливым социально-экономическим отношениям. Всё, что не отвечает прогрессивному движению в этом направлении, неизбежно отпадает на его пути. В этом смысле падение полицейского государства династии Романовых — запрограммированный исторический результат предшествующего развития капитализма в России. Нужен был только подходящий повод, чтобы сбросить с развивающегося общества оковы заскорузлого режима. И таким поводом стала Первая мировая война, окончательно вскрывшая всё пагубное несоответствие автократии реалиям общества в процессе развития. Февральские события — это кульминационный пункт негодности режима, исчерпавшего ресурсы своего существования, но одновременно и триумф новых прогрессивных сил, прокладывающих себе дорогу в будущее.

Теория заговора выводит на передний план элитистскую интерпретацию исторических событий. Падение абсолютизма здесь — это плод серии злонамеренных заговоров, охвативших высшие сферы российского общества в преддверии Февральской революции. Генералы Ставки Верховного главнокомандующего и фронтов, великие князья, часть столичной бюрократии, лидеры думских партий, объединившихся в Прогрессивный блок, руководители земств, промышленные и банковские магнаты — суть участники различных заговорщических группировок, намеренных вопреки присяге императору Николаю II добиваться ограничения его самодержавной власти или, в крайнем случае, устранить его от власти и заменить преемником. Считается, что деятельность этих группировок, многие члены которых состояли в пресловутых масонских организациях, спровоцировала революцию.

Теория случайности приписывает главную роль в объяснении событий частным, субъективным обстоятельствам. Повороты истории определяют индивидуальные роковые решения, не оставляющие места крупным системным интерпретациям. Так, судьбоносный характер приписывается отъезду Николая II 22 февраля 1917 года из Царского Села в Ставку, хотя большинство лиц из его окружения настоятельно отговаривали его от этого рискованного шага в контексте беспокойной обстановки в столице империи. Такими же поворотными решениями полагаются скоростной отъезд Николая II из Ставки ранним утром 28 февраля обратно в Царское Село, в результате чего он в критический момент на сутки остался без связи со Ставкой и Петроградом, а также импульсивное решение развернуть свой поезд ночью 1 марта со станции Малая Вишера и отправиться в Псков ввиду непроверенной, вызвавшей тревогу информации о захвате восставшими войсками

станций Любань и Тосно на пути следования поезда. Столь же роковым может рассматриваться решение 22 февраля военной администрации Путиловского завода об объявлении временного локаута, оставившего без средств существования более 30 тыс. рабочих завода и ставшего триггером последовавших беспорядков в Петрограде (Поликарпов, 2005: 11–13). Иными словами, крах абсолютизма, согласно этой теории, обусловлен серией непредвиденных, трагических решений ключевых участников событий.

В предлагаемой статье предпринимается попытка осмыслить причины Февральских событий 1917 года с позиций рефлексивной исторической социологии, выдвигающей на первый план традиционную социологическую проблематику — проблему порядка в обществе. Проект такого рода исторической социологии замечательно сформулировал Теодор Шанин. Речь идет о фокусировке исследовательского внимания на «переключке, противоречивости, взаимосвязи и взаимопереходе „объективного“ и „субъективного“, в их обратной связи...» (Шанин, 1997: 18). В рамках этого подхода необходимость, субъективность и роковая случайность остаются объяснительными категориями, только теряют свою тотальность ввиду того обстоятельства, что социальным событиям в обществе неизменно присущ контингентный характер. С одной стороны, события принципиально открыты в отношении иных возможностей протекания, с другой — ограничиваются, но не жёстко, всей предшествующей их логикой развития. В этом смысле конфигурации событий — а революции и представляют собой особые конфигурации — характеризует пропозициональная логика, но отнюдь не логика необходимости. Что же тогда вызывает крах порядка, который переживается современными обществами как развал полицейского государства? Ниже представлены гипотезы, от которых мы будем отталкиваться при объяснении ключевых характеристик полицейского порядка эпохи абсолютизма и его краха во время Февральской революции 1917 года, одного из ключевых событий российской истории XX века.

II

Что представляет собой порядок в обществе? Как порядок может быть представлен концептуально? Это традиционная социологическая постановка вопроса, ответ на который зависит от выбора теоретической ориентации. В теориях утилитаризма, нормативизма, рационализма, в теории конфликтов встречаются разные трактовки понятия порядка. Они абсолютизируются, как правило, в зависимости от исходных концептуальных допущений. Порядок, согласно этим теориям, наблюдается там, где социальное взаимодействие определяют преимущественно либо выгода, либо совместно разделяемые нормы, либо рациональные убеждения, либо принуждение и т. п. Мы примыкаем к новейшей неофункционалистской трактовке порядка. Преимущества этого подхода состоят в систематической интеграции различных теоретических перспектив, не допускающей абсолютизации ни одной из них. Порядок — это динамическое явление. На разных интервалах вре-

мени могут быть разные доминанты порядка. Задача исследователя в таком случае заключается в том, чтобы выявить историческую специфику доминант порядка. Неофункционализм, отталкиваясь от теоретического наследия Т. Парсонса, продолжает традицию синтеза в социологии. Именно синтез постоянно обогащал социологический анализ и содержался уже в трудах классиков социологии М. Вебера и Э. Дюркгейма.

Понятие порядка у Парсонса может реконструироваться из его четырехчленной парадигмы действия (Парсонс, 1993: 299–313)⁷. В каком бы ракурсе мы ни рассматривали социальное действие, аналитически из него можно вычленить четыре взаимосвязанные смысловые перспективы, образующие четыре полюса. Две перспективы, определяющие отношение действия к окружающему миру — адаптацию и целедостижение, и две перспективы, определяющие его внутреннее устройство — интеграцию и то, что Парсонс называл поддержанием латентного образца. В последнем случае речь шла о неявных мотивационных нормах и стандартах, легитимирующих социальное действие. На уровне общества как социальной системы адаптацию выполняет хозяйство, целедостижение — политика, интеграцию — сообщества, построенные на повседневных взаимодействиях, поддержание латентных образцов — культура.

Хозяйство, политика, сообщества и культура существуют не изолированно друг от друга, а находятся в динамических отношениях взаимообмена, который опосредуется особыми символически обобщёнными медиакоммуникациями. Со стороны хозяйства — это деньги, политики — политическая власть, сообществ — влияние, культуры — приверженность ценностным обязательствам. Так, политическая власть оказывается легитимной только при соответствии политических решений ценностным образцам и со своей стороны требует принятия моральной ответственности, актуализирующей в интересах различных социальных групп те или иные нормативные ориентации. Именно культуре Парсонс отводил цементирующую роль в поддержании порядка в обществе. Нормы, культурные аспекты действия в организации порядка, считал он, выполняют ту же центральную функцию, которую в организме выполняют гены.

И всё же нормативное понимание порядка, к которому последовательно склонялся Парсонс, представляется явно недостаточным. Как в своё время доказал Рихард Мюнх, динамическое напряжение между четырьмя полюсами действия оказывается более сложным в плане влияния на упорядоченность социальных действий. Влияние только одного полюса не может быть преобладающим. В производство порядка в наименьшей мере должны включаться политические, экономические и дискурсивные аспекты действия (Münch, 2004: 172). Это значит, что социологический анализ не может обойтись как без уяснения роли внешних факторов — моментов силового принуждения и возможностей хозяйственного обмена, так и без дискурсивных практик, влияющих на рациональное обоснование моти-

---

7. Четырехчленная парадигма действия рассматривается у Парсонса как минимальный набор аналитических средств, характеризующих любое действие именно как системное.

вов социальных действий. Динамические отношения между четырьмя полюсами действия предполагают, что на определённых исторических интервалах времени могут доминировать отдельные аспекты действия. Наша первая объяснительная гипотеза состоит в том, что на протяжении имперского периода существования России (XVIII–XX вв.) в обществе преобладало *принуждение* как основная форма обеспечения порядка. Внешне принуждение принимало вид патерналистской власти имперской метрополии и подобно власти отца в патриархальной семье требовало беспрекословного повиновения распоряжениям самодержавия на подконтрольной территории (Булдаков, 1997: 8). Обеспечение повиновения самодержавной метрополии, таким образом, составляло одну из главных проблем власти.

Как и любая политическая власть, патернализм включает в себя символические и силовые аспекты. Символические аспекты власти обеспечивают легитимацию политических решений и охватывают множество укоренённых культурных представлений и ситуативных ориентаций, которые могут выступать мотивом одобрения или, по меньшей мере, некритического принятия решений. Если символического уровня недостаточно для обеспечения добровольных мотивов согласия с принятыми решениями, политическая власть прибегает к силовым ресурсам (к известной монополии на средства насилия в границах подконтрольной территории), которые с разной эффективностью могут быть задействованы в случае явного или неявного противодействия. Чем в большей мере приходится прибегать к силовому ресурсу, ограниченному в большинстве случаев прямыми или непрямыми угрозами применения негативных санкций, и чем распространённое становится эта практика при проведении повседневных решений в жизнь, тем в большей мере проявляется кризис легитимности.

Вторая гипотеза состоит в том, что на подконтрольной территории *имперский патернализм испытывал хронический недостаток символических ресурсов легитимации* и в производстве порядка вынужден был делать ставку главным образом на силовые органы: регулярные войска и полицию. Именно в этом случае можно говорить о полицейском государстве как репрессивном институте⁸. Это означает, что в обществе устанавливается полицейский режим, позволяющий носителям власти принимать политические решения, не считаясь в достаточной мере с настроениями и потребностями общества. В Российской империи значима была воля только одного суверенного лица — самодержавного монарха. Тем не менее самодержавная власть постоянно нуждалась в *компенсационных идеологических надстройках*. С одной стороны, эти надстройки заимствовались из европейских стран, как, например, камералистская концепция общего блага, с другой — широко опирались на религиозную доктрину православия. Хотя полицейские государства в указанном смысле могут существовать на продолжительных исторических интервалах времени, особенно если в неблагоприятных обстоятельствах удаётся успешно провести реформы и ослабить явное или неявное противодействие об-

8. О различиях в понимании и истории понятия «полицейского государства» см.: Кильдюшов, 2013: 10–18.

щества, именно полицейские режимы больше всего подвержены риску крушения в моменты, когда общество претерпевает коренные структурные изменения.

Уже у Томаса Гоббса можно встретить развёрнутую теорию кризисов абсолютной власти. Третья гипотеза о *дефляции власти* как драйвере кризиса политической власти в современных обществах примыкает здесь к давней теоретической традиции⁹. Основную проблему кризиса абсолютной власти Гоббс усматривал в том, что *«человек, добившийся королевства, довольствуется иногда меньшей властью, чем та, которая необходима в интересах мира и защиты государства»* (Гоббс, 1991: 250)¹⁰. Общество привыкает к ограниченной в своих притязаниях власти, и когда у суверена возникает необходимость в интересах безопасности пойти на жёсткие меры, «то это имеет видимость незаконного действия с его стороны, побуждающего огромное число людей (при наличии подходящего повода) к восстанию» (Гоббс, 1991: 250). Другими важнейшими причинами, усугубляющими кризис власти, Гоббс считал подрыв её символических оснований. В этом случае речь шла об оппозиционных учениях, ставящих под сомнение монополию власти выносить бесспорные суждения о действиях с точки зрения их соответствия или несоответствия гражданскому закону. Сюда же он относил учение о свободе совести и претензии на вдохновение как источники частных суждений о добре и зле; мнение о том, что суверен подчинен гражданским законам; приписывание абсолютного права собственности не суверену, а его подданным; учение о делимости верховной власти и подражание примерам правления древних или соседних народов с целью обоснования мотивов для изменения установленного образа правления (Гоббс, 1991: 251–257). Вызванный этими причинами кризис политической власти, согласно Гоббсу, ведёт либо к долговременному ослаблению государства, либо в худшем случае — к его распаду.

Современная трактовка дефляции политической власти учитывает фундаментальные трансформации обществ со времени выхода «Левифана» Гоббса в середине XVII века и охватывает большее количество переменных анализа. Однако само понятийное ядро дефляции остаётся неизменным — это самоизоляция власти и утрата авторитета. Оба этих фактора толкают власть к консервации полицейского режима. Выраженная дефляционная фаза политической власти в Российской империи, как предполагает наша гипотеза, приходится на последнее десятилетие правления Николая II (1907–1917)¹¹. Дефляции власти указанного периода предшествовала затяжная инфляция власти, которая началась в конце правления Александра II (1878–1879) и продолжалась в ходе полицейской реакции Александра III. В этот период верховная власть постоянно испытывала потребность в чрезвычайных мерах и не могла опираться на ранее принятые законы (Зайончковский, 1964). Изменилась и символическая саморепрезентация верховной власти: вместо иду-

9. С гипотезой о дефляции власти как главной причине, провоцирующей революции в обществе, плотно работал в 1960-е годы американский исследователь Чалмерс Джонсон (Johnson, 1966: 91–121).

10. Курсив Гоббса.

11. Данная гипотеза строится на основе исследований А. Я. Авреха (Аврех, 1985).

щего от Петра I секулярного мифа абсолютизма, опиравшегося на религиозную основу и камералистскую концепцию общего блага, на передний план выходит религиозное санкционирование неограниченного самодержавия (Уортман, 1991: 120).

Суть полицейской реакции Александра III пронизательно передал Марк Вишняк:

«Эпоха реформ (реформы Александра II 1860–1870 гг. — В. П.) была „узловой“ в новейшей истории России, — писал он. — Узел можно было развязать. Но для этого нужны были напряженные и добровольные усилия в сторону дальнейшей ликвидации николаевской эпохи (периода правления Николая I 1825–1855 гг. — В. П.), нужно было последовательное развитие начатых преобразований. Этого не произошло. Произошло другое, для абсолютизма обычное. Вместо ликвидации самодержавия началась ликвидация реформ» (Вишняк, 1924: 234).

Новая стратегия верховной власти потребовала принятия жёстких полицейских мер. Кульминация этих мер приходится на одобренное 14 августа 1881 г. Александром III «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия», согласно которому министр внутренних дел получал право по собственному усмотрению объявлять в любой части империи положение усиленной или чрезвычайной охраны. Оба этих режима — усиленный и чрезвычайный — значительно расширяли права полиции, в частности, давали полиции наряду с жандармами *право ареста по подозрению*. Всё население империи, по духу одобренного сверху положения, *de facto* попадало под подозрение в нелояльности. Принятое как временное, сроком на три года, «Положение о мерах...» продлевалось вплоть до 1917 года.

Однако дефляционная гипотеза недостаточна для объяснения непосредственных причин революций. Полицейские государства могут существовать продолжительное время, отражая угрозы политической дестабилизации при помощи налаженной работы силовых органов. Четвертая объяснительная гипотеза состоит в том, что *революционные ситуации индуцируют форсированные структурные изменения*. Речь идёт не только об ускоренной модернизации хозяйства в России на рубеже XIX–XX веков, то есть о процессах бурного роста промышленного производства и урбанизации в аграрной империи. Как показала история, полицейские государства вполне способны контролировать подобные изменения. Речь прежде всего идёт о форсированных структурных изменениях, вызванных результатами военных мобилизаций в условиях затяжной войны. В этом случае возникает интерференция трансформационных процессов долгосрочного и краткосрочного характера, создающая значительные перегрузки для всех традиционных структур.

Что означают форсированные структурные изменения? Здесь мы снова примыкаем к теоретическим разработкам Парсонса. Существуют две возмущающие тенденции, способные в пределе разрушить любые устоявшиеся социальные

структуры. Это непрерывный приток нового персонала и сбой механизмов социализации и социального контроля (Parsons, 1964: 206–207). Если на определённых исторических интервалах времени эти процессы резко ускоряются, можно говорить об их форсированном характере. Наряду с тем что военные мобилизации требуют самоотверженности и подвижничества, в это время огромные массы людей перемещаются с места на место, задействуются на выполнении несвойственных и трудоёмких задач. Остро встаёт вопрос их мотивации и распределения в рамках сложившихся структур. Интенсивная и продолжительная мобилизация при определённых обстоятельствах приводит к дезорганизации и делегитимации традиционных структур управления. Последствия военных мобилизаций на протяжении XIX и начала XX века сказывались в росте компенсационных ожиданий основной массы крестьянского населения империи — сначала в форме требований освобождения от крепостной зависимости, а затем, после отмены крепостного права, в требованиях «чёрного передела» земли и облегчения долговой зависимости по выкупным платежам¹². Отказ сверху в удовлетворении этих ожиданий приводил к спонтанным крестьянским волнениям и антиправительственным бунтам.

Крымская война (1853–1856) наглядно показала, что призыв в армию десятой части мужского населения без компенсации (мобилизованных в ополчение крестьян не освобождали от крепостной зависимости) спровоцировал массовые бунты (Нефедов, 2005: 232–233). Надежность армии оказалась под сомнением. Ситуацию удалось спасти лишь путем переброски ряда гвардейских полков для подавления вспыхнувших беспорядков. Русско-турецкая война (1877–1878) породила слухи о «чёрном переделе» земли и волнения крестьянства на этой почве (Зайончковский, 1964: 13). Брожение армии и флота в конце и сразу же по завершении Русско-японской войны (1904–1905), сопровождавшееся серией вооруженных армейских восстаний, также удалось с трудом погасить. И в этом случае для подавления восставших были задействованы казачьи и гвардейские части, укомплектованные старослужащими солдатами и офицерами (Чувардин). Как известно, перелом в Февральской революции 1917 года наступил в тот момент, когда утром 27 февраля на сторону восставших петроградцев перешли воинские части Петроградского гарнизона, состоявшие в основном из недавно призванных крестьян в ходе четвертой мобилизационной волны. Во всем Петроградском военном округе не нашлось надежной, верной самодержавию воинской части, которая могла быть брошена на усмирение восставших.

Гипотеза форсированных структурных изменений описывает потенциальные напряжения, грозящие структурными разрывами, но недостаточна для объяснения фактологической стороны событий. Революции совершаются солидарными действиями масс людей в столицах государств. Существуют критические события-триггеры, которые приводят к резкому изменению исторической обстановки, переводят её в качественно новый формат (Филиппов, 2006: 117). Воздействие

---

12. Военные мобилизации вызывали также расколы в правящем слое империи. Достаточно назвать движение декабристов, оппозицию дворянства после Крымской войны и т. д.

именно таких событий-триггеров переживал Николай Суханов, когда он воскликнул 21 февраля: «Да, это начало революции».

О чём здесь речь? Удивление, даже изумление современников Февральских событий касались стремительного формирования кратковременных, ситуативных форм солидарности, охвативших не только группы рабочих промышленных предприятий Петрограда, но и другие социальные группы города. Массовые стачки и акции протеста были нередки и до февраля 1917 года, однако лишь в те февральские дни события неожиданно приняли форму нарастающего снежного кома. Пятая гипотеза заключается в том, что детонатором Февральских событий выступил комплекс морального негодования, усиленный резкой политизацией сознания. Этот комплекс активизировался 22 февраля увольнением более 30 тыс. рабочих Путиловского завода. С одной стороны, этот комплекс в течение предыдущих месяцев подогревался нагнетавшимися слухами о предательстве в верхах, с другой — повсеместными слухами о недостатке продовольствия в городе. Последовала массовая цепная реакция, и сама её массовость породила всеобщую установку, которую пронизательно описал ещё Алекс де Токвиль: «Зло, которое долго терпели как неизбежное, становится непереносимым от одной только мысли, что его можно избежать» (Токвиль, 1997: 251).

Массовому движению способствовал сформировавшийся к Февралю у горожан *единый образ врага*, и этим врагом стала верховная власть и олицетворявший её полицейский порядок¹³. Именно образ врага объединил разрозненные городские слои. По мере того как силы порядка — полиция, казаки, воинские части — уступали спонтанному массовому натиску горожан в разных частях города, в настроениях протестующих стала наблюдаться эйфория. Чувства праздника, торжества, нечто близкое пасхальным переживаниям отмечали в эти дни многие свидетели и участники событий (Зензинов, 1991: 110–111; Мельгунов, 1961: 43–44).

Таким образом, мы намерены показать, что крушение полицейского государства, сложившегося в Российской империи, в феврале 1917 года подчинилось действию долгосрочных и краткосрочных факторов. Имперский порядок, построенный преимущественно на формах внешнего принуждения, испытывал недостаток ресурсов легитимации. Например, официальное подчинение государству православной церкви 25 января 1721 года может рассматриваться именно как попытка поставить под полный контроль наиболее мощный идеологический ресурс легитимации власти. «Монархов власть есть Самодержавная, которым повиноватися Сам Бог за совесть повелевает», как было сформулировано в принятом в этот день Духовном регламенте (Духовный регламент, 1721). Это решение создало в обществе и церковных кругах латентное напряжение, которое в полной мере сказалось в начале XX века, во время кризиса православия и саботажа церковного клира против престола (Бабкин, 2008). Основная угроза автократии состоит в процессах дефляции власти. Как следствие, политическая власть принимает стратегию само-

13. О различении *друга* и *врага* как основы политического действия см.: Шмитт, 1992: 40–44.

изоляции и делает упор на силовые органы как единственно возможный фактор поддержания порядка. Именно эта стратегия была принята в конце царствования Николая II. В Российской империи сложился полицейский режим, главной целью которого была консервация самодержавия. Полицейские государства уязвимы в исторических ситуациях, для которых характерны форсированные структурные изменения, вызываемые, как правило, участием в крупных, затяжных войнах. Военные кампании предполагают мобилизацию населения, которая требует напряженных организационных усилий и различного рода компенсаций. Сбой организации и задержка компенсаций (в форме удовлетворения требований со стороны общества) создают революционную ситуацию. Массовый спонтанный протест активизирует вызревший комплекс морального негодования на фоне сложившегося образа верховной власти как врага.

III

Прежде чем обратиться к анализу событий, свидетельствующему в пользу выдвинутых гипотез, уделим внимание когнитивным словарям социологических теорий революции. Краткий экскурс в этом направлении важен для того, чтобы увидеть определённые сходства и различия предложенной когнитивной схемы с уже существующими словарями¹⁴. Когнитивные словари представляют собой наборы описаний причин и мотивов участников революций. По мнению современного исследователя революций Джека Голдстоуна, существующие теории разворачиваются вокруг условно четырех таких объяснительных словарей, каждый из которых он относит к разным поколениям исследователей (Голдстоун, 2006: 58–103).

Первое поколение 1900–1940-х годов (Г. Лебон, П. Сорокин и др.) задействовало главным образом бихевиористский словарь, в котором «подавление базовых инстинктов» рассматривалось как одна из главных объясняющих причин. Политизация недовольства в условиях хозяйственной разрухи выступала в качестве пробивного орудия, подрывавшего устои государственного порядка. Параллельно развивалось исследование революций в рамках концепции «естественной истории» (Л. Эдвардс, позднее К. Бринтон), в которой революция представляла собой особый тип изменений общества с характерным для этого типа разрушением институтов, стоящих на пути развития элементарных человеческих потребностей.

Среди исследователей первого поколения особый интерес представляет словарь Питирима Сорокина, участника событий Февраля и Октября 1917 года, утверждавшего, что «не потомки, а современники — лучшие судьи и наблюдатели истории» (Сорокин, 1992: 268). Осмысливая свой революционный опыт — в целом негативный, — он приходит к «реакционной» теории революций, которая по-прежнему

---

14. Цели настоящей статьи не предусматривают проведения полновесного обзора существующих социологических теорий революций. Нижеследующий экскурс охватывает главным образом только некоторые избранные теории, которые в той или иной мере касались объяснения причин Февральской революции 1917 года.

остаётся актуальной для исследователей консервативного толка (Никонов, 2011). Чтобы понять причины революций, утверждал Сорокин, нужно изучить мотивы отклоняющегося поведения. В основе такого рода аномалии «всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения» (Сорокин, 1992: 271). К базовым инстинктам Сорокин относил пищеварительный рефлекс, инстинкты индивидуального и коллективного самосохранения, потребность в жилище и одежде, половой и собственнический инстинкты, инстинкт самовыражения, потребность в свободе и др. На характер революционного взрыва непосредственно влияют сила подавления и количество подавляемых инстинктов. Но революции не совершатся, если силы порядка в состоянии пресечь спонтанные протесты снизу. Поэтому второй причиной революции он называл бессилие власти.

Февральская революция и последовавшие за ней события, в трактовке Сорокина, — это в целом прямые следствия Первой мировой войны. Армейские мобилизации миллионов крестьян и горожан вылились в жестокое подавление инстинкта самосохранения. Поражения в войне, организационная беспомощность властей подавляли инстинкт группового самосохранения. На жителей России постоянно давили голод или нависающая угроза голода из-за экономической дезорганизации и сбоев в снабжении городов, особенно в конце 1916 года. Военная цензура, репрессивные действия властей в отношении любых проявлений недовольства подавляли инстинкт свободы. Общее обнищание населения на фоне процветания обогатившихся на военных поставках угнетало собственнический инстинкт. Распушенность правящих верхов и распутинщина репрессировали сексуальные инстинкты (Сорокин, 1992: 282–283). На почве жестоких репрессий инстинктов и вызрел революционный гнев. Только в этой ситуации, отмечает Сорокин, революционная пропаганда возымела действие, в то время как монархическая контрпропаганда властей всецело захлебнулась, поскольку шла вразрез с репрессированными инстинктами.

Но и второй момент — бессилие власти — оказывается необходимым условием для успеха революции. Здесь Сорокин переключается с другим участником Февраля 1917 года, историком Сергеем Мельгуновым, утверждавшим: «Успех революции, как показывает весь исторический опыт, всегда зависит не столько от силы взрыва, сколько от слабости сопротивления. Это почти „социологический“ закон. У революции 17 года не было организованной реальной военной силы» (Мельгунов, 1961: 11). Однако именно в этом месте в теории Сорокина обнаруживается парадоксальное обстоятельство. С одной стороны, в напряжённой ситуации Первой мировой войны власть смогла подавить базовые инстинкты большинства членов общества, с другой — оказывается в определённый момент бессильной, не способной организовать должного сопротивления революции. Причем бессилие власти Сорокин приписывает долгосрочным тенденциям — вырождению правящих привилегированных классов. «Практически все дореволюционные правительства, — отмечает он, — несут в себе характерные черты анемии, бессилия, нерешительно-

сти, некомпетентности, растерянности, легкомысленной неосмотрительности, а с другой стороны — распушенности, коррупции, безнравственной изошренности и т. д. Безмозглость, безволие, бесхитрость» (Сорокин, 1992: 287). Остаётся вопрос, как такая безвольная, вырождающаяся власть могла поддерживать порядок в обществе, провести четыре мобилизационных набора в армию, вынести шок военных поражений весны-лета 1915 года? Очевидно, в этом месте в социологической теории революций Сорокина наблюдается явный пробел.

Второе поколение исследователей революций 1940–1975 годов (Д. Дейвис, Ч. Джонсон, Т. Гурр, Н. Смелзер, Ч. Тилли, С. Хантингтон, Ш. Эйзенштадт и др.) использует множественные конечные словари — от структурного функционализма, когнитивной психологии, теории агрессии-фрустрации до концепций модернизации и теории конфликтов. В каждом из этих словарей причины революции объяснялись в зависимости от исходной схемы наблюдений. Какой бы тип событий ни выступал начальным толчком — будь то война, модернизация, технологический прорыв, урбанизация, изменение ценностей, возникновение новых идеологий и групп интересов, — формулы конечных словарей определяли те переменные анализа, которые отвечали за революционные преобразования разной глубины и силы. Как правило, второе поколение работало с тремя типами основных переменных: с когнитивными установками «низов», способствовавших распространению чувств депривации (Д. Дейвис, Т. Гурр и др.); с событиями, резко нарушавшими равновесие социальной системы (Ч. Джонсон, Н. Смелзер и др.); с групповыми конфликтами, подрывавшими суверенность государственной власти (Ч. Тилли и др.) (Goldstone, 1980: 430).

Среди этой плеяды исследователей отметим прежде всего труд Чалмерса Джонсона «Революционное изменение», в котором выдвинута и проработана гипотеза дефляции власти (Johnson, 1966). В то время Джонсон стоял на позициях структурного функционализма, который и определил его когнитивный словарь. Революция, утверждал он, отличается от типичного социального изменения тем, что изменения во время революции сопряжены с применением насилия (Johnson, 1966: 5). А потому изучение революций — это изучение тех характеристик социальных структур, которые позволяют насилию вырваться на поверхность. Очевидно, что это крайние случаи, поскольку в обыденных условиях применение насилия институционализировано государством.

По мнению Джонсона, существуют два кластера причин любой революции. Первый кластер описывает напряжения, которые порождает вышедшая из равновесия социальная система. Среди них первостепенную роль играет дефляция власти — «тот факт, что в моменты изменений интеграция системы в значительной степени зависит от применения силы» (Johnson, 1966: 93). Второй кластер касается лидерских способностей руководителей, обладающих той или иной мерой легитимности. Если они — и в этом состоит главная проблема — окажутся не в состоянии укрепить доверие к переживающей кризис системе среди тех социальных слоёв, которые ещё сохраняют приверженность её ценностям, то возникает

угроза утраты остатков былого авторитета. А это чревато тем, что любое последующее применение силы в глазах общества уже никак не может быть признано, даже если под это применение подводятся легальные основания. Тем не менее если правящей верхушке в ситуации утраты авторитета удастся сохранить монополию на применение насилия, что тождественно сохранению контроля над силовыми органами, революции может и не последовать. Для общества это будет означать период длительного застоя, пока какое-то событие не расколется правящую верхушку или создаст повод для повышения авторитета власти и интеграции на новой идеологической платформе.

Неожиданные, переломные события, рассинхронизирующие состояния социальной системы, Джонсон называет *ускорителями*. «Непосредственная и конечная причина революции суть некий ингредиент, обычно приписываемый судьбе, который лишает элиту её главного оружия по наведению социального порядка (например, военный мятеж) или же заставляющий группу революционеров *поверить* в то, что настало время для выступления» (Johnson, 1966: 94). Существуют и усугубляющие обстоятельства, которые способствуют действию ускорителей. К ним Джонсон в первую очередь относит упрямство и неуступчивость правящей верхушки. Жёсткая позиция по отношению к требованиям со стороны общества приводит к самоизоляции. Блокируются каналы вертикальной мобильности, начинают широко практиковаться nepoтизм и кастовость. В этой ситуации остаётся полагаться только на силовые органы и прежде всего на тайную полицию, которой отводится функция запугивания и атомизации населения. Иными словами, создается полицейское государство.

Однако надежность армии — всегда проблема. Джонсон называет условия, подрывающие в ряде случаев лояльность офицеров и солдат правящей верхушке. При определённых обстоятельствах солдаты и офицеры в местах дислокации могут сочувствовать нуждам и настроениям местного населения. Трения внутри армейских частей, связанные с непомерными тяготами службы, могут достигнуть высокого накала. Непопулярные решения власти могут вызвать недовольство солдатской массы, а непоследовательность и нерешительность в проведении политической линии возбудить презрение к высшему руководству. Но самое худшее, что может последовать для власти, считает Джонсон, — это поражение в войне. Именно этому фактору он приписывает решающее влияние в качестве предпосылки Февральской революции 1917 года. Успех Февраля был обеспечен вызревавшим солдатским бунтом, который начался с отказа от расстрелов демонстраций и вылился 27 февраля в солдатское восстание Вольнского полка, подобно цепной реакции перебросившегося затем на остальные полки Петроградского военного гарнизона (Johnson, 1966: 109). Такая трактовка Февральских событий, с преобладающим акцентом на процессах во властной и армейских средах, преуменьшает значение гражданского протеста, спонтанного формирования широкого фронта оппозиции среди самых разных социальных слоёв Петрограда. Безусловно — и здесь нужно всецело согласиться с гипотезой дефляции власти Джонсона, — без

присоединения к группам гражданского протеста воинских частей Февральская революция могла и не состояться. Старый порядок мог ещё держаться. Однако пользуясь словарём структурного функционализма, социальная система находилась в сильно разбалансированном состоянии. Процессы разложения в армии шли полным ходом. Уже в конце 1916 года начальник штаба Ставки генерал Алексеев сетовал, что армия уже не та, другие же генералы утверждали, что они имеют дело не с армией, а с вооруженным народом.

Третье поколение, по классификации Голдстоуна, использовало основательно переработанный словарь марксистской теории (Б. Мур, Т. Скочпол и др.). Традиционно классовый подход обогатился здесь за счёт включения в набор переменных конфликтов разных уровней: между государством и различными элитными группами, между массами крестьян и землевладельцами в аграрном секторе. Наряду с этим решающее значение отводилось влиянию международной военной и экономической конкуренции на внутреннее положение дел в отдельной стране. Особые конstellации внешних факторов при одновременном обострении внутренних конфликтов, согласно теории Теды Скочпол, и являются причинами революций. Революция — это «стремительное, коренное преобразование государственных и классовых структур общества... сопровождаемое и отчасти осуществляющееся посредством восстаний масс, имеющих классовую основу» (Skocpol, 1979: 4).

Революции 1905–1907 гг. и 1917 года, полагает Скочпол, стали следствиями модернизационных процессов, направляемых сверху, и неудачами царской власти в двух крупных вооруженных конфликтах. Модернизационные процессы резко обострили классовые противоречия прежде всего между крестьянами и землевладельцами-помещиками, а также привели к высокой концентрации наёмного труда — политически неблагонадёжного — в промышленных центрах. В результате были созданы структурные предпосылки для широкого социального возмущения. Однако напор снизу, согласно Скочпол, едва ли мог привести к успеху в силу довольно прочного фундамента самодержавной власти, опиравшейся на армию и отлаженный государственно-бюрократический аппарат. «Рождённое в войнах и воспитанное на них, изолированное от сил общества и противостоящее им, русское государство могло погибнуть только в результате массивного поражения в тотальной войне» (Skocpol, 1979: 94).

Февральская революция 1917 года, считает Скочпол, — это отсроченное продолжение революции 1905–1907 гг. Причины и мотивы их участников во многом совпадают. Успех Февраля был обусловлен тем, что Первая мировая война оказалась затяжной и всеобщей по масштабу, а поражения царской армии стали чрезвычайно болезненными для общества, в отличие от проигранной периферийной и недлительной Русско-японской войны 1904–1905 гг. Если в 1905 году царское правительство сумело перебросить с Дальнего Востока регулярные войска для подавления городских и сельских восстаний и водворить порядок, то в 1917 году лояльность армии, состоявшей из недавних призывников, оказалась под вопросом. Потеряв свою главную опору в лице армии, самодержавие незамедлительно

рухнуло. Основные причины революции Скочпол видит прежде всего в тяжелом экономическом положении крестьянства и рабочих в промышленных центрах, а также в окне возможностей, которые временно открылись перед этими социальными слоями в результате ослабления правительственной власти после тяжелых поражений в войне (Скоппол, 1979: 135).

Структурный анализ и экономизм Скочпол в конечном счёте изображают дело революции так, что доведённые нуждой до отчаяния столичные рабочие воспользовались благоприятным случаем, организовали восстание и смогли выиграть лишь потому, что правительственная власть, дезорганизованная участием в затянувшейся войне, не смогла им противопоставить силу. Последующий успех революции был обусловлен тем, что переворот в столице поддержали армейские низы и крестьянство, которые увидели в случившемся возможности для реализации своих вожделий. Тем не менее если перейти от структурного макроанализа, который предлагает Скочпол, к анализу непосредственных событий, то классовая подоплёка Февральской революции теряет под собой почву. Февральская революция оказалась успешной потому, что в Петрограде временно на ситуативной основе образовалось политическое единство горожан вне зависимости от их социальной принадлежности. Хотя в общей массе протеста доминировали представители рабочих, едва ли правомерно утверждать, что Февраль — это революция какого-то одного класса, одной социальной группы¹⁵. Наряду с этим явный экономизм Скочпол оказывается недостаточным для фиксации мотивов участников Февральских событий. Вне сомнения, тяжелая экономическая ситуация в городе, циркулирующие слухи о нехватке продовольствия вызывали сильную обеспокоенность не только в среде рабочих, однако для формирования общегородской политической коалиции, ситуативных форм массовой солидарности петроградцев одних только экономических тревог было мало. Одним из главных драйверов протеста был разделяемый горожанами образ врага, в качестве которого выступали верховная власть и олицетворявший ее полицейский порядок. Именно единый образ врага давал основу для ситуативной солидарности между собой в целом слабокомплементарных социальных групп горожан.

Когнитивный словарь четвертого поколения исследователей (Дж. Голдстоун, Дж. Гудвин, Дж. Форан и др.) складывается во многом из попыток преодолеть ограничения структурного подхода Т. Скочпол и включить в понимание революций широкий, зачастую эклектичный набор переменных (Голдстоун, 2006: 59). Кратко суммировав «когнитивный репертуар» словаря Голдстоуна, можно выделить следующие переменные. Во-первых, революции наиболее вероятны тогда,

---

15. В советской историографии Февральская революция шаблонно считалась буржуазно-демократической, что не соответствовало реальному положению дел, а отвечало давнему теоретическому прогнозу социал-демократов, по мнению которых конец самодержавию должна положить буржуазная революция и лишь затем настанет время для свершения революции социалистической. Уже в первые революционные дни меньшевик-интернационалист Николай Суханов в соответствии с этим прогнозом безоговорочно считает Февральские события именно революцией буржуазной (Суханов, 1991: 50).

когда под вопросом оказываются эффективность и легитимность государства. Эффективность предполагает, что государство распоряжается ресурсами в соответствии с ожиданиями элитных групп и населения. Под легитимностью государства понимается восприятие его действий в качестве справедливых и обоснованных согласно представлениям в обществе о справедливости и разумности. Одновременная утрата эффективности и легитимности государства — важнейшее условие революций (Goldstone, 2008: 286). Во-вторых, революциям предшествуют раскол и последующая поляризация элитных групп. В-третьих, широкая мобилизация «снизу», мотивированная разными причинами, прежде всего кризисом благосостояния. В-четвертых, возникновение коалиции между оппозиционными элитными группами и массами населения на базе совместно разделяемой идеологии перемен. Сочетание этих переменных подводит Голдстоуна к более широкому определению революции: это «попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть» (Голдстоун, 2006: 61). Он полагает, что это определение позволяет работать как с классическими революциями, которые сопровождались вооруженным восстанием масс, так и с относительно мирными революциями, в результате которых менялся политический режим, и при этом исключать перевороты, мятежи и восстания, которые не привели к преобразованию институтов политической власти.

На фоне представленного краткого обзора социологических теорий революции нетрудно увидеть, что выдвинутые нами гипотезы о причинах крушения полицейского государства в ходе Февральской революции 1917 года продолжают во многом давнюю социологическую традицию. Однако в наших гипотезах есть и новые аспекты, которые развивают эту традицию дальше. Речь прежде всего идёт о мотивационных комплексах, которые обуславливают ситуативные формы солидарности разных социальных групп населения, необходимые для формирования массовых протестных действий, и которые влияют в дальнейшем на институциональные преобразования политической власти. В основе этих мотивационных комплексов лежит актуализация образа врага, политизирующая сознание и морально оправдывающая действия по свержению старой власти и старого порядка.

IV

Создание полицейского государства в России началось задолго до имперского периода (XVIII–XX вв.), но именно в эпоху империи оно приобрело систематически репрессивный характер. Что подразумевается под полицейским государством? И что означает его репрессивный характер?

В определённом смысле любое государство суть полицейское государство, поскольку поддержание порядка в обществе связано с решениями политической власти, задействующей полицию для их проведения в жизнь. Решения политической

власти включают возможность применения негативных санкций в случаях явного или неявного противодействия. Полицейские силы символизируют эту возможность, олицетворяют потенции политической власти против неподчинения. В то же время — и это отражает амбивалентный характер полиции — полиция суть проекция стратегий политической власти и одновременно средство поддержания повседневного порядка. Поэтому изучение полицейского государства предполагает, с одной стороны, анализ стратегий политической власти, а с другой — действий полиции по регулированию социальной жизни в общих интересах безопасности и благополучия. Полицейское государство становится репрессивным, если на уровне стратегий политической власти преобладает принуждение, а полиция превращается в инструмент доминирования бенефициариев порядка, консумирующих его в своих узкогрупповых интересах.

Наука о полиции, утверждает специалист по теории полицейского государства Марк Неоклеус, создаётся на закате феодализма на Западе как учение о хорошем управлении и полиции как институте по обеспечению доброго порядка и благосостояния (Neocleous, 2000: 1). Наука о полиции представляла собой не просто набор рекомендаций хорошего управления, она использовалась для демонстрации добрых намерений правителей. Тем не менее идеологический декор науки о полиции прикрывал разные политические стратегии. Наука о полиции, перенесённая Петром I на почву складывающейся Российской империи, выявила зияющую пропасть между намерениями правителей империи и практиками принуждения.

С точки зрения Неоклеуса, распад феодализма в Европе привёл к разрыву единой формы политической и экономической доминации, что повлекло за собой непредвиденные последствия в виде неконтролируемой миграции труда и ускоренной урбанизации.

«Крепостное право как механизм извлечения добавочного продукта было одновременно формой экономической эксплуатации и легального политического принуждения. С ростом торговли и промышленности, разделения и мобильности труда, возрастающего значения денежного хозяйства социальный порядок, основанный на поместьях, постепенно ослаб, а с ним и единство политического и экономического гнёта, который землевладельцы налагали на крепостных. Результатом стало смещение легального политического принуждения к централизованной (военизированной) верхушке. Ослабленная на местном уровне политическая и легальная власть в значительной степени сконцентрировалась на „национальном“ уровне. Постепенное высвобождение крепостных из традиционной системы доминации привело одновременно к их обнищанию и началу их пролетаризации» (Neocleous, 2000: 2).

В первой половине XVI века вследствие эмансипационных процессов по Европе прокатилась волна бунтов обездоленных. Реакцией на беспорядки стало появление полиции с самым широким мандатом по наведению порядка в терпящем крах феодальном мире. Полномочия полиции на первых порах касались регламен-

тации практически всех сторон социальной жизни. Полиция надзирала за мерами по здравоохранению, боролась против порчи продовольствия и вина, следила за расходами на религиозные обряды, свадьбы и похороны, наблюдала за состоянием дорог, мостов и зданий, поддерживала порядок торговли на рынках, занималась обеспечением занятости населения, присматривала за соблюдением общественной морали и поведением слуг по отношению к господам и пр.

«...С самого начала, — отмечает Неоклеус, — полиция занималась большей частью не проблемами криминальной активности, а предотвращением действий, потенциально опасных для хорошего порядка городских общин. Иными словами, предупреждение преступлений не было интегральной частью определения полиции; предотвращение преступности никогда не было смыслом полиции. Полиция имела отношение ко всему необходимому для поддержания гражданской жизни и существовала там, где бы человеческая жизнь ни была общинно организована, а свободные люди или субъекты ни вели себя дисциплинированно, сдержанно, почтено и обходительно» (Neocleus, 2000: 4).

Иными словами, изначальной задачей полиции, как представляет дело Неоклеус, была стабилизация социального порядка ввиду неустойчивости, вызванных распадом феодального общества.

Если переход от феодализма к миру капитализма привёл в Европе к возникновению полиции как института по обеспечению хорошего порядка внутри свободных общин, то в России отмечались процессы иного, а в определённых отношениях даже обратного свойства. В XVII веке усилилась тенденция по закреплению крестьян, привязки их к локальному месту жительства и лишению остатков правоспособности. Одновременно укреплялось положение центральной власти, которая приобретала всё более выраженный автократический характер. Эти процессы достигли апогея к началу имперского периода, во время царствования Петра I (1682–1725). По мере того как в Европе принуждение как доминанта локальных порядков феодальных обществ уступало место рациональным отношениям свободных людей, в России, наоборот, совершенствовались формы принуждения в пределах всё более расширяющейся имперской территории.

Возможно, что установление мощного военно-бюрократического абсолютизма в эпоху ранней империи, как, например, полагал Чарльз Тилли, связано с тем, что из-за скудости экономических ресурсов на территории центральной России, малого количества городов и хронического недостатка концентрированного капитала государственное строительство могло осуществляться только путем стратегии интенсивного принуждения (Тилли, 2009: 206–209). Обратным средством этой стратегии были земля и крестьяне, которыми московские правители награждали лояльных им служилых людей в награду за военную службу. Поскольку же московские правители постоянно вели войны с соседями, они нуждались в периодических пополнениях армии, а значит — им требовались всё новые земли для

вознаграждений. В отдельных случаях земли изымались у заподозренной в нелояльности знати (опричнина), в других — приобретались и перераспределялись в результате территориальных расширений после успешных военных кампаний. Следствием этой стратегии стала система «принудительного труда крестьян, ограничения их свободы передвижения и роста налогов на военные нужды — всё это были основные черты зарождавшегося российского крепостного права» (Тилли, 2009: 206).

Под прямым давлением дворян, поместного служилого сословия крепостное право было законодательно закреплено в Соборном уложении 1649 года. Всё дальнейшее законотворчество в этом направлении, указывал историк Василий Ключевский,

«разрабатывало не пределы и условия крепостного права как права, а только способы эксплуатации крепостного труда, и эксплуатации двусторонней: фискальной со стороны казны и хозяйственной со стороны землевладельца. В крепостном владении со времени Уложения являются не хозяева и сельские рабочие как юридические стороны, а порабитители и порабощённые, повинные платить произвольно налагаемую контрибуцию господам и их вождам, составлявшим правительство. Поэтому правительство расширяет или допускает расширение полицейской власти помещика над крепостными, чтобы сделать его своим финансовым агентом, податным инспектором крепостного труда и блюстителем тишины и порядка в готовой разбежаться деревне, а помещик донимает своё дворянское правительство челобитьями о принятии более строгих мер для возврата своих беглых крепостных» (Ключевский, 1989: 93).

Этот жёсткий режим принуждения окончательно кристаллизовался в начальный имперский период и просуществовал до крестьянской реформы 1861 года.

Принуждение как доминирующая форма порядка задаёт особый режим политической власти, чрезвычайно чувствительный к любым посягательствам на её прерогативы. Соборное уложение 1649 года интересно в этом отношении тем, что во второй главе «О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать, а в ней 22 статьи» определяется категория «слово и дело государево». При помощи этой категории уже с 30-х годов XVII века обозначали политические преступления. Речь шла о покушениях на жизнь и здоровье государя, о государственной измене, о покушениях на власть «державы царского величества» (Соборное уложение, 1830: 4). За преступления против чести и здоровья государя предусматривалась смертная казнь. Достаточно было выявить злой умысел и написать извет (донос), чтобы возбудить разбирательство властей на этот счёт. Поводом для доноса могло быть, например, выявление любых отношений с недругами «царского величества». Статья 19 предусматривала наказание за недонесение. Учитывая тот факт, что первая глава Соборного уложения вводила тяжкие наказания богохульникам и церковным мятежникам, символическая основа власти зарождающегося самодержавия, как видно, была довольно шаткой и требовала для своего утверждения в глазах общества суровых санкций.

Однако Уложение 1649 года не определило отдельного органа для рассмотрения доносов по оскорблению чести царя и совершения по ним следственных действий. При царе Алексее Михайловиче «словом и делом государевым» занимались воеводы, чиновники разных приказов, думные люди, и только в самых серьёзных случаях доносы рассматривались самим царем и его ближайшим окружением. Алексей Михайлович в первую очередь был озабочен установлением тайного контроля над самыми влиятельными служилыми людьми. В 1654 году им был создан Приказ тайных дел, который среди прочих функций занимался негласным наблюдением за воеводами, послами и боярами, так как «послы в своих посольствах много чинят не к чести своему государю, в проезде и разговорных речах, и те подьячие над послами и над воеводами подсматривают царю, приехав, сказывают; и которые послы или воеводы, ведая в делах неисpravление своё и страшась царского гневу, и они тех подьячих дарят, чтоб они, будучи при царе, их послов худым не поносили. А устроен тот приказ при нынешнем царе для того, чтоб его царская мысль и дела исполнялись все по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем не ведали» (Андреев, 2001: 229–230).

Учреждение политического сыска на постоянной основе произошло только во время царствования Петра I. В 1702 году он подписал указ о наделении Преображенского приказа полномочиями рассматривать «слово и дело государево». Выделение отдельной службы, по-видимому, свидетельствовало о том, что политическая крамола приобрела к тому времени систематический характер. Глава Преображенского приказа, князь Ф. Ю. Ромодановский, получил право расследовать по своему усмотрению подозрительную деятельность любого лица и принимать для установления всех связанных с этим обстоятельств меры, которые он считал необходимыми. Как утверждает Р. Пайпс, в застенках Преображенского приказа «подвергнуты пыткам и умерщвлены тысячи людей, в том числе крестьяне, выступившие против подушной подати и солдатчины, религиозные диссиденты и пьяницы, неприязненно высказывавшиеся о государе и подслушанные доносчиком» (Пайпс, 2004: 147).

Судя по всему, оскорбления Петра I и критика его реформаторской политики приобрели настолько крупный масштаб, что для пресечения подобных действий в помощь Преображенскому приказу была направлена Тайная канцелярия, изначально созданная царем в феврале 1718 года для следствия по делу наследника Алексея Петровича. В компетенцию Тайной канцелярии вошли дела по выявлению любых выступлений с критикой действий царя, членов царской семьи и царских чиновников в новой столице империи. Всё это означало, что со стороны государства началась методическая деятельность по подавлению любых общественных проявлений, способных нанести ущерб престижу царской власти. Под репрессии попадали недоброжелательные высказывания в адрес царя, намеренные или ненамеренные искажения царского титула, надругательства над царскими изображениями и др.

Очевидно, что Петр I столкнулся с серьёзным кризисом легитимности. На всём протяжении имперской истории частота действий по оскорблению символов самодержавной власти неизменно свидетельствовала об углублении или ослаблении этого кризиса. Тот размах, в котором символическое присутствие власти подвергалось осквернению, по-видимому, был наиболее чувствительным показателем настроений общества по отношению к власти. Нельзя сказать, что Петр I и последующие правители империи не прилагали усилий для преодоления кризиса легитимности. В качестве идеологической основы своего правления Петр I выдвинул идеи «всеобщего блага» и «регулярного полицейского государства», заимствованные им у немецкого философа Христиана фон Вольфа и нашедшие практическое выражение в полицейских статутах германских государств XVII века (Раев, 2000: 64). Идея «всеобщего блага» предполагала правовой и политический порядок, опиравшийся на нравственный закон. Государство, как считалось, и призвано воплотить этот закон в жизнь. Только под опекой государства могла быть утверждена всеобщая нравственность, а с ней — и всеобщее благосостояние. Инструментом понятой таким образом высокой миссии государства выступала «регулярная полиция», на которую возлагалось бремя обеспечения «добрых гражданских порядков».

В 1715 году в Петербурге Петр I учреждает полицейскую канцелярию. Возможно, непосредственным поводом для создания полиции была крайне тяжелая политическая ситуация, сложившаяся в связи со строительством новой столицы империи. Ежегодно требовалось мобилизовать в среднем 35 тыс. подневольных работников и вводить чрезвычайные налоги. В совокупности налоговая нагрузка на крестьянство увеличилась с 1711 по 1716 год в четыре раза (Нефедов, 2005: 143). Все царские указы, учреждающие институт полиции, включая Инструкцию от 1718 года «Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру Дивьеру для руководства» и «Регламент или устав главного магистрата» (1721 г.), пропитаны высоким пафосом всеобщего блага. Полиция

«споспешествует в правах и в правосудии, рождает добрые порядки и нравочения, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет, и принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, чинит добрых домосмотрителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне, и приносить довольство во всем потребном к жизни человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домовых расходах и все явные погрешения, призирает нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных, по заповедям божьим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных наук; вкратце ж над всеми сими полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальной подпор человеческой безопасности и удобства» (Регламент или устав главного магистрата, 1830: 297).

Петр I не упускал случая продемонстрировать в своих указах неустанную заботу о подданных и намерения учредить в России добрые гражданские порядки. Однако уже скоро проявился парадокс петровской идеологии всеобщего блага и регулярного полицейского государства: нельзя было одновременно взывать к гражданскому чувству населения, продолжать политику закрепощения и надеяться на рождение добрых порядков. Нельзя было в одно и то же время вести речь о душе гражданства и отказывать подавляющей части населения в элементарных правах. Этот парадокс, как показала дальнейшая история, закрепился в форме культурно-политического кода, который и лёг в основу имперского стиля управления в России.

Сам Петр I был разочарован непосредственными результатами своей реформаторской политики. Его последние прижизненные указы проникнуты скорбью о том, что его распоряжения не исполняются, вокруг царит служебная распущенность, а сам он не может за всем усмотреть.

«Сорванные с другого склада понятия и нравов, новые учреждения не находили себе сродного питания на чуждой почве, в атмосфере произвола и насилия ...Разбоями низ отвечал на произвол верха: это была молчаливая круговая порука беззакония и неспособности здесь и безрасчётного отчаяния там. Столичный приказной, проезжий генерал, захоластный дворянин выбрасывали за окно указы грозного преобразователя и вместе с лесным разбойником мало беспокоились тем, что в столице действует полудержавный Сенат и девять, а потом десять по-шведски устроенных коллегий с систематически разграниченными ведомствами. Внушительными законодательными фасадами прикрывалось общее безнарядье» (Ключевский, 1989: 181–182).

Таким образом, есть все основания полагать, что *принуждение* как основная форма обеспечения порядка в доимперский и имперский периоды сопровождалась *хроническим кризисом легитимности* власти.

V

В послепетровскую эпоху логика развития полицейского государства в России приняла экспансионистские формы. Эта логика затрагивала деятельность как регулярной, так и тайной полиции. Компетенция и полномочия полицейских органов всё более расширялись¹⁶. Идеологической основой полицейского государства по-прежнему выступал камерализм европейских правителей XVI–XVIII веков (Раев, 2000: 69–70). Однако поворотными пунктами, расширявшими и уточнявшими компетенцию и полномочия полиции, были определённые исторические события. Так, до крестьянского восстания под предводительством Пугачёва (1773–

---

16. 23 апреля 1733 г. принят закон «Об учреждении полиции в городах», введивших полицейское управление в 10 губернских и 11 провинциальных городах. В дальнейшем список губерний и городов постепенно расширялся.

1775) в сельской местности не существовало полицейских органов. Потрясённая массовым крестьянским бунтом императрица Екатерина II сразу же после казни Пугачёва приступила к разработке проекта закона об Управлении губерниями, предусматривавшего создание уездной полиции в форме Нижнего земского суда. Закон был принят в спешном порядке 7 ноября 1775 года. Пункт 237 главы XVIII Управления губерниями предписывает должности земского исправника, главы уездной полиции, «бдение, дабы ни кто в противность подданнического долга и послушания, в уезде ни чего не предпринял и не учинил» (Индова, 1987: 220). В целом уездная полиция была призвана осуществить «благочиние, приведение в исполнение закона и приведение в действие повелений правления». В результате на селе сформировался двойной силовой кулак: к размещённым на содержании у крестьян армейским частям, до того времени ответственным за поддержание порядка в сельской местности, добавлялись полицейские силы.

Хотя численный состав тайной полиции был значительно меньшим, чем состав полиции регулярной, на протяжении всего XVIII века наблюдалась тенденция его увеличения. Не в последнюю очередь этот политический курс объяснялся тем, что во время правления императриц особый размах приобрели дела об оскорблении их чести. Группу «непристойных слов», за которые неустанно преследовали власти, составляли оговорки, насмешки, искажения титула императриц. Санкции применялись также за уклонение от богослужений в дни царских тезоименитств и за отказ от питья за здоровье императриц (Андреев, 2001: 365).

Тайная полиция несколько раз реорганизовывалась вследствие политических столкновений враждующих партий дворянства. В результате контрреформ московская партия знати в 1729 году ликвидировала Преображенский приказ и Тайную канцелярию. Партия контрреформ планировала ограничить самодержавие при помощи института Тайного верховного совета. Этот план провалился, однако он не остался без серьёзных политических последствий. В 1731 году императрица Анна Иоанновна смогла учредить Канцелярию тайных розыскных дел, находившуюся в её личном подчинении и на первых порах направленную против фронды московской знати. Общая компетенция канцелярии распространялась на всю империю и не предусматривала вмешательства в свои дела других органов верховной власти — Сената и Синода. Как и Преображенский приказ, Канцелярия получила в народе одиозную репутацию¹⁷, что позднее подтолкнуло Екатерину II к её ликвидации и учреждения на её месте в 1762 году Тайной экспедиции Сената, которая отличалась от Канцелярии только тем, что была подчинена не лично императрице, а генерал-прокурору Сената.

Апофеозом полицейского государства Екатерины II стало принятие Устава благочиния или полицейского (1782 г.). Несмотря на весь морализаторский пафос камерализма и выраженное стремление в нём к упорядочиванию социальной жизни — в названии устава Екатерина II намеренно использует понятие благочиния

17. По разным данным, за десять лет существования Канцелярии репрессиям было подвергнуто свыше 20 тыс. человек.

из обихода русской православной церкви, где оно обозначает строгий порядок, благопристойное поведение, — значение полицейского устава может быть понято только в связи с тем политическим переворотом, который произошёл в имперской политике в начале 1730-х годов.

Возврат к самодержавному правлению при императрице Анне Иоанновне осуществлялся путем политических уступок дворянству. Суть этих уступок сводилась в первое время к удовлетворению дворянских требований по замещению должностей центрального, губернского и уездного управлений.

«В этих отдельных мерах, планах и проектах о дворянстве искал себе подходящей правовой формы крупный общий факт, выработавшийся из всей неурядицы той эпохи: это — начало *дворяновластия*. А этот факт — один из признаков крутого поворота от реформы Петра I после его смерти: дело, направленное на подъём производительности народного труда средствами европейской культуры, превратилось в усиленную фискальную эксплуатацию и полицейское порабощение самого народа» (Ключевский, 1989: 312).

Манифест 1762 года «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» освободил дворянство от обязательной военной службы. В результате дворянство из служилого сословия стало «превращаться преимущественно в сословие землевладельцев. В России возникли такие явления, как дворянские усадьбы и дворянская культура. Вместе с тем освобождение дворянства от обязательной военной службы и появление большого количества молодых дворян в провинции позволило самодержавной власти начать перестройку провинциального управления на новых началах» (Томсинов, 2011: xxi).

Возник новый баланс взаимоотношений абсолютизма и дворянства, в самом скором времени сказавшийся на системе отношений землевладельцев и крестьян. Верховная власть негласно предоставляла вольным дворянам возможность бесконтрольной эксплуатации крестьян на местах, но требовала за это безусловной лояльности политическому центру. В результате экономическое и юридическое давление на крестьян ощутимо увеличилось. Крепостное право стало постепенно превращаться в аналог рабства. По мере того как дворянству предоставлялись все новые права, основная масса населения, крестьянство, лишалось и без того их многочисленных остатков. Крепостное право ужесточалось отдельными царскими указами, но никогда официально не санкционировалось сверху и не кодифицировалось в виде отдельного закона.

8 января 1765 года выходит один из самых одиозных указов Екатерины II, который предоставил помещикам право без суда и следствия отправлять принадлежавших им крестьян на каторгу и по собственному усмотрению возвращать их обратно (Индова, 1987: 502). Каторга была одним из самых первых нововведений Петра I, созданная им в 1699 году. Каторжные работы присуждались за особо тяжкие преступления. Соответственно, указ предоставлял в распоряжение помещиков карательное право и беспрецедентные возможности устрашения крестьян. «В

1767 году крестьянам было запрещено жаловаться на помещиков, и попытки обращения за справедливостью стали квалифицироваться как преступления» (Нефедов, 2005: 171). Усиление крепостной зависимости позволило дворянству существенно увеличить доходы с поместий, а вместе с доходами — и свои притязания на местное управление.

Большинство дворянства предпочитало проживанию в поместьях городской образ жизни и сосредотачивалось в провинциальных городах. С одной стороны, дворянство опасалось крестьянских бунтов и находило в городах лучшую от них защиту, с другой — город предоставлял широкие возможности для демонстративного потребления. Уже в 1760-е годы стал формироваться запрос на передачу полицейских учреждений органам городского самоуправления. Екатерининский Устав благочиния и был призван в первую очередь удовлетворить этот запрос, поскольку, как отмечалось в сопроводительном указе, *«настала крайняя необходимость дать городам Устав благочиния... для поспешества доброму порядку, удобнейшаго исполнения законов и для облегчения присудственных мест по недостатку установлений до сего затрудняемых»* (Индова, 1987: 323).

Устав определил структуру полицейских органов в городах и примерный штат городской полиции. В городах создавались управы благочиния, коллегиальные органы, главами которых становились городничие. В столице империи Петербурге и в Москве управы благочиния подчинялись полицмейстерам, которые, в свою очередь, были подчинены обер-полицмейстерам, фактическим градоначальникам. Это, несомненно, говорило о том, что правительство Екатерины II уделяло особое внимание полицейскому режиму в двух столицах. Обер-полицмейстерами назначались только самые доверенные лица монархии. По Уставу выстраивался иерархический порядок полицейского надзора, который проникал во все уголки и поры городской жизни. В компетенцию управы благочиния входили наблюдение за состоянием мостов, улиц и дорог, торговый надзор, пресечение бегства в города крепостных крестьян, надзор за ценами и использованием неверными весами и мерами. Структура и функции управ благочиния оставались неизменными практически целое столетие, вплоть до 1870-х годов.

Главное значение Устава благочиния состояло в том, что этот законодательный акт закреплял, хотя и по умолчанию, те основания порядка принуждения, основными бенефициариями которого были самодержавие и вольное дворянство. Как и указы Петра I, Устав благочиния преисполнен демонстраций добрых намерений законодателя, неустанно пекущегося о добрых нравах подданных. Так, глава XIII Устава внушает начальствующему лицу чинить «правовой и равный суд всякому состоянию» (Индова, 1987: 334). Тем не менее эта норма Устава оставалась не более чем благим пожеланием для большинства крепостных крестьян, для которых указом императрицы была ограничена возможность обращаться в суд против злоупотреблений помещиков. Треть статей Устава касается негативных санкций: подтверждаются прошлые запрещения, вводятся новые, устанавливаются различные взыскания за нарушения порядка. Однако не в одном месте Устава не осуждается

широко распространившаяся к тому времени практика купли-продажи крестьян, для полиции эта практика не являлась нарушением благочиния.

Во второй половине XVIII века наблюдаются заметные изменения в реакции крестьянских низов на политику принуждения. Как пронизательно заметил В. Ключевский, в крестьянской массе всё больше нарастало ощущение несправедливости политического порядка, который прикрывался сверху пафосом камерализма и нравочений (Ключевский, 1989, т. 5: 147). Если на протяжении XVII и первой половины XVIII века крестьянские выступления были направлены против отдельных ненавистных управителей — воевод и приказных людей, то в екатерининское время крестьянские восстания всё больше мотивируются враждой против правящего сословия — дворянства. Крестьянство незамедлительно отреагировало на изменение баланса прав и обязанностей сословий. «Таким образом, — отмечает Ключевский, — крепостное право в том фазисе развития, какого оно достигло во второй половине XVIII в., прежде всего изменило настроение низших классов, их отношение к существующему порядку» (Ключевский, 1989, т. 5: 147).

В свою очередь, нарастание протеста снизу укрепило союз самодержавия и дворянства. Землевладельцы осознали потребность в сильной центральной власти, способной с помощью войск усмирить крестьянские волнения. Пугачевское восстание, безжалостно подавленное карательными войсками правительства, укрепило дворянство в мысли, что любое ослабление центра резко изменит баланс сил на местах и крестьяне возьмут реванш за поражение. Центр предоставил помещикам право вызывать войска для пресечения крестьянских бунтов, а также высылать неугодных крестьян в Сибирь или отправлять на службу в армию. В обмен на это самодержавие требовало политической лояльности и невмешательства дворянства в столичную политику. В этой схеме обнаруживалась стратегическая уязвимость: сколько-нибудь продолжительная дефляция центральной власти на фоне роста беспорядков могла не просто сломать сложившийся консенсус, но и привести к ликвидации одной или обеих сторон негласного соглашения.

VI

Первым критическим испытанием полицейского порядка, заложенного негласным екатерининским консенсусом, оказались события 14 декабря 1825 года, восстание декабристов. Консенсус был нарушен попыткой выхода из него одной из сторон — части дворянства. Политическая программа декабристов предполагала упразднение самодержавия и отмену крепостного права. Реакцией победившего в этом конфликте самодержавия стали усиление полицейского и бюрократического контроля, ослабление позиций дворянства в местном управлении и попытки найти компромиссное решение крестьянского вопроса. Была создана новая конфигурация порядка, бенефициарием которого становилась централизованная бюрократия во главе с монархом, а дворянству отводилась подсобная роль.

Ответом самодержавия на декабрьское восстание стали две важные трансформации. 3 июля 1826 года создаётся новый рычаг политического контроля. Это Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, орган политического сыска и управления полицией. Третье отделение получает право надзора и контроля над деятельностью всех государственных учреждений и местных органов (Колпакиди, Север, 2010: 102). В 1827 году Третье отделение получает в распоряжение корпус жандармов, который определяется его исполнительным органом. В 1830-е годы рядом законов об организации местной власти Николай I ограничивает влияние среднего и мелкого дворянства в управлении на местном уровне. «До сих пор дворянство было руководящим классом в местном управлении; со времени издания законов 1831 и 1837 гг. дворянство стало вспомогательным средством коронной администрации, полицейским орудием правительства» (Ключевский, 1989, т. 5: 246).

В то же время меняется идеологическая надстройка самодержавия. За её основу принимается доктрина «официальной народности», нашедшая своё выражение в знаменитой уваровской формуле «православие, самодержавие, народность». Если абсолютизм XVIII века репрезентировал стремление к европейским идеалам, а в области практической политики — камералистскую концепцию общего блага, но замыкался на дворянстве как ведущем сословии, то доктрина официальной народности опирается уже на самобытные и консервативные элементы народной жизни как залога общественного блага и спокойствия. Согласно новой доктрине, «национальный дух выражает себя только в самодержавном государстве и в присущей русскому народу склонности к самодержавию. Пересмотр значения самодержавия исключал аналогию с западными моделями, служившую приёмом идеализации монарха, устраняя тем самым содержательное сходство с Западом. Возвышение и прославление монарха должно было происходить в терминах самого монарха; император имманентен нации (а не только одному дворянскому сословию. — В. П.), а нация имманентна самодержавию и императору. Следовательно, движение декабристов было уничтожено как случайная и чуждая примесь, которую следовало беспощадно изгнать из системы» (Уортман, 2002: 362–363).

Однако в сфере крестьянского законодательства Николай I проявил нерешительность. Законами 1840-х годов вводились запреты на продажу крестьян в розницу и приобретение крестьян безземельными дворянами. Вводился институт добровольного соглашения между землевладельцами и крестьянами, в рамках которого помещики могли уступать крестьянам право постоянного пользования землей в обмен на условленные повинности. Фактическая ликвидация крепостного права могла осуществиться по закону 8 ноября 1847 года, предоставившему крестьянам имений, продававшихся с аукциона за долги, право откупа с землей. К тому времени две трети дворянских имений были заложены государственной казне. От верховной власти требовалась только последовательность действий. Сопротивление на нижних этажах бюрократии и дворянства оказалось настолько сильным, что правительство закрыло глаза на невероятный факт: закон 8 октября

загадочным образом исчез из переизданного позднее Свода законов Российской империи, хотя указов о его отмене не принималось (Ключевский, 1989, т. 5: 256).

Новое устройство порядка при Николае I переносило политические риски управления на широко разветвленную бюрократическую вертикаль. В определённой мере верховная власть становилась заложником слаженности бюрократического механизма, крайне консервативного и неповоротливого. Крымская война (1853–1856) обнажила всю шаткость этой конструкции и полумер в крестьянском вопросе. Затяжной характер войны потребовал широкой мобилизации крестьян в армию и дополнительных налогов и повинностей, которые тяжелым грузом легли на крестьянские хозяйства (Бестужев, 1956: 160–161). Однако главная проблема состояла в том, что царское правительство только предъявляло требования крестьянам, эксплуатируя патриотические настроения, и не торопилось принимать меры по отмене крепостного права. Уже в 1854 году количество крестьянских выступлений в три раза превысило довоенный уровень, а в 1855 году фактически началось массовое крестьянское восстание (Зайончковский, 1968: 64–65). Как и пугачёвский бунт, восстание удалось подавить только с помощью карательных экспедиций регулярных воинских частей.

Крестьянское восстание во время войны встревожило правящую верхушку, но не было единственным раздражающим фактором. Неожиданно довольно резкое недовольство правительством проявила часть дворянства, разочарованная поражением в Крымской войне, неспособностью верховной власти и напуганная крестьянскими беспорядками (Бестужев, 1956: 166–167). На повестку дня встал вопрос о реформах. Положение усугублял также тот факт, что к концу 1850-х годов крестьянские волнения снова стали набирать ход.

Как и во времена Николая I, правительство Александра II начало подготовку крестьянской реформы в секретном режиме, опасаясь негативной реакции как со стороны крестьян, так и со стороны дворянства. Идеологию реформы лаконично передал сам Александр II: «а) чтобы крестьянин немедленно почувствовал, что быт его улучшен; б) чтобы помещик немедленно успокоился, что интересы его ограждены; в) чтобы сильная власть ни на минуту на месте не колебалась, отчего ни на минуту же и общественный порядок не нарушался» (Зайончковский, 1968: 109). Тем не менее крестьянская реформа 1861 года не удовлетворила ни одну из сторон. Крестьяне обременялись крайне высокими выкупными платежами и теряли часть земельных наделов. В то же время дворянство негодовало на действия столичной бюрократии, навязавшей землевладельцам, с их точки зрения, не выгодную редакцию реформы (Литвак, 1991: 87). Обнародование Манифеста 19 февраля 1861 года сопровождалось усиленными мерами безопасности в Петербурге: к столице и крупным городам на случай крестьянских волнений были стянуты войска. Крестьянская реформа несла в себе мощный конфликтный потенциал, который всякий раз вырывался наружу, как только самодержавие сталкивалось с крупными проблемами управления.

Сворачивание курса реформ 1860-х годов началось с того момента, как только Александр II и часть высшей бюрократии почувствовали угрозу неограниченной суверенной власти. В 1865 году ряд земств направил Александру II обращения с проектом учреждения общероссийского дворянского представительства. Эти обращения Александр II болезненно воспринимал как завуалированные требования конституции, за которыми скрывались намерения ограничить самодержавие (Литвак, 1991: 89). В ответ на эти требования в течение 1866–1867 гг. верховная власть предпринимает в целом успешные попытки обуздать земства и существенно ограничить их в правах. Следующий виток реакции связан с негативными последствиями крестьянской мобилизации во время Русско-турецкой войны (1877–1878) и активизацией террористической деятельности народовольцев. В 1878–1879 гг. в деревне сложилась напряженная обстановка под влиянием слухов о «черном переделе» (Зайончковский, 1964: 13). Крестьяне верили, что в награду за понесенные ими жертвы в войне верховная власть наградит их увеличением земельных наделов. В своей массе крестьяне полагали, что местные власти умышленно скрывают от них «высочайшие повеления», и приступали в ряде губерний к захватам земель и лесов.

После неудавшегося покушения на царя и в ответ на беспорядки в деревне в апреле 1879 года Александр II фактически вводит чрезвычайное положение в империи. Он назначает временных генерал-губернаторов, которые получают диктаторские полномочия для борьбы с крамолой в городах и на селе. Причины политического кризиса воспринимаются верховной властью как недостаток мер полицейского характера. Временные генерал-губернаторы наделяются исключительными правами. По своему усмотрению они могли задерживать и выселять лиц, заподозренных в политической неблагонадежности, закрывать общественные организации и приостанавливать выход газет. Они могли издавать полицейские распоряжения, хотя и на временной основе, которые они считали необходимыми для обеспечения общественной безопасности (Зайончковский, 1964: 86).

5 февраля 1880 года Степан Халтурин произвёл взрыв в Зимнем дворце. Незамедлительно последовала реакция. Александр II учреждает Верховную распорядительную комиссию во главе с генералом Михаилом Лорис-Меликовым. Генерал сосредоточил в своих руках управление всей карательной системой империи. Он усилил Министерство внутренних дел, подчинив министерству тайную полицию и корпус жандармов. Одновременно Лорис-Меликов пошёл на некоторые уступки обществу: была списана часть недоимок крестьян по выкупным платежам, а дворянам был обещан представительный орган, но с очень урезанными полномочиями — общая комиссия для консультаций правительства. Тем не менее чрезвычайные меры говорили о том, что верховная власть уже не могла управлять империей на основе обычных законов и остро нуждалась в упрочении силовых органов для поддержания государственного порядка. Началась затяжная инфляция власти. Для того чтобы провести политические решения в жизнь, при очевидном сопротивлении общества требовалось всё больше ресурсов. Реакционные решения

Александра II, вне сомнения, предопределили характер и идеологию полицейской реакции его преемника Александра III, состоявшие в том, чтобы ужесточить полицейский режим, но время от времени идти на уступки обществу.

1 февраля 1881 года Александр II погиб от разрыва бомбы, брошенной в него народовольцем Александром Гриневицким. После нескольких месяцев колебаний, вызванных внутривластной борьбой за влияние на нового царя, Александр III принимает ультрареакционный курс с помощью внушений Обер-прокурора Святейшего Синода Константина Победоносцева. Новый курс предполагал реорганизацию символических и силовых ресурсов политической власти. В символическом отношении ставка делалась на освящение личного авторитета царя как помазанника Божьего в противовес конституционализму как источнику законов и политических институтов. Православная церковь становилась выразительницей национальной идеи, которая противопоставляла традицию идеям просвещения и материального прогресса. Сословные институты, дворянство и крестьянская община занимали место социальной базы самодержавия (Уортман, 1991: 121). В то же время стала набирать популярность символика революционного подполья, обличавшая старый мир и одновременно олицетворявшая борьбу с тиранией и стремление к свободе.

Правовую основу реорганизованных силовых ресурсов самодержавия составило «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия», принятое 14 августа 1881 года. Особая комиссия, учрежденная для разработки Положения, мотивировала необходимость его принятия острой потребностью в координации чрезвычайных мер. С этой целью предполагалось составить правила, расширяющие полномочия полиции в деле борьбы с революционным движением, и разработать положения «к ограждению государственного порядка и общественного спокойствия» (Зайончковский, 1964: 400–401). Положение вводилось временно на три года, но по истечении трехлетнего срока действия постоянно продлевалось вплоть до 1917 года, став своеобразной конституцией полицейского государства Российской империи (Гессен, 2005: 96–98).

Общие правила Положения наделяли фигуру министра внутренних дел широкими, практически диктаторскими полномочиями для восстановления государственного порядка. Распоряжения министра подлежали немедленному исполнению всеми местными органами власти (Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, 1885: 261). В случаях возникновения угрозы государственному порядку в ряде местностей империи могло вводиться «исключительное положение», которое существенно расширяло права административно-полицейских властей. Предусматривалось два модуса «исключительного положения»: состояние усиленной охраны и состояние чрезвычайной охраны. Состояние усиленной охраны могло устанавливаться единоличным решением министра внутренних дел или решениями генерал-губернаторов, но с их утверждением министром внутренних дел. Введение состояния

чрезвычайной охраны требовало дополнительной санкции Комитета министров по предоставлению министра внутренних дел.

Критерием для усиленной охраны определённой местности империи являлись нарушения общественного спокойствия «преступными посягательствами против государственного строя или безопасности частных лиц и их имуществ, или подготовлением таковых, так что для охранения порядка применение действующих постоянных законов окажется недостаточным». Критерием для чрезвычайной охраны было «тревожное настроение населения, вызывающее необходимость принятия исключительных мер для безотлагательного восстановления нарушенного порядка...». Критерии для введения исключительного положения сформулированы таким образом, что они предоставляли весьма широкие возможности для их толкования, а значит — и для произвола. Кроме того, экстренной защите со стороны полиции подлежал не только государственный строй — самодержавие, но и частные лица и их имущество. Очевидно, что под частными лицами в первую очередь подразумевались землевладельцы и их имения, против которых выступали крестьяне. Самую же большую угрозу порядку законодатель видел в «тревожном настроении населения», под которым явно имелись в виду прежде всего возмущения низших сословий государственным порядком, грозившие перерасти в бунт на селе и в городах.

Введение исключительного положения открывало перед должностными лицами самые широкие возможности для организации жёсткого полицейского режима. Введение усиленной охраны местности было рассчитано, как можно предполагать, на предотвращение политических брожений низших сословий — крестьянства и городских низов. Генерал-губернаторы, губернаторы и градоначальники получали, среди всего прочего, полномочия запрещать любые общественные и частные собрания, закрывать торговые и промышленные заведения, высылать в административном порядке лиц, заподозренных в политической неблагонадежности, а также передавать в ведение военных судов дела, которые до введения усиленной охраны рассматривались обычными судами. Местные полицейские власти получали право арестовывать по подозрению в неблагонадежности лиц на срок до двух недель, производить в любое время и в любом помещении обыски, арестовывать имущество подозреваемых лиц (пункты 14–22 Положения). Таким образом, усиленная охрана осуществлялась за счёт явных ущемлений индивидуальной свободы и прав неприкосновенности личности, а также приостановки гарантий свободы собраний и хозяйственной деятельности.

Введение чрезвычайной охраны, судя по характеру предусмотренных репрессивных мер, предполагало, что политическим брожением охвачены уже не только низы, но и высшие сословия. Наряду с мерами, аналогичными для усиленной охраны, но с более суровыми санкциями, этот режим предоставлял права соответствующим должностным лицам: а) увольнять чиновников всех ведомств, включая выборных служащих в сословных, земских и городских учреждениях; б) приостанавливать и закрывать собрания сословных, земских и городских учреждений; в)

приостанавливать выпуск периодических изданий; г) закрывать учебные заведения на срок не более одного месяца (пункты 23–27 Положения).

Наряду с этими двумя временными режимами Положение предусматривало правила для действий соответствующих должностных лиц в тех местностях, которые не были объявлены в исключительном положении. Суть правил состояла в том, что *de jure* эти лица получали одинаковые полномочия, как и при исключительном положении, только подкреплённые менее строгими санкциями. Поскольку режим усиленной охраны непрерывно действовал в ряде местностей вплоть до 1917 года (в Санкт-Петербурге, Москве и в других губерниях и городах), Положение вводило тотальный полицейский режим на территории всей империи.

Хотя двадцатилетний период с момента введения Положения (1881–1901) был отмечен спадом политических волнений, действие Положения постоянно продолжалось. Более того, многие губернаторы стремились ввести усиленную охрану на подвластных им территориях, так как этот режим давал им практически неограниченные возможности полицейского администрирования. За это время, как отмечал Владимир Гессен, выросло целое поколение, которое «не видало иного государственного порядка, кроме порядка чрезвычайных, исключительных по своей жестокости, полицейских мер и лишь по книгам знает об общих законах Российской Империи» (Гессен, 2005: 96).

Положение 14 августа 1881 года *de facto* учреждало полицейский произвол как норму управления. Неизменное продление исключительного положения определённо свидетельствовало о вырождении обычного права, поскольку поддержание порядка в чрезвычайных условиях опиралось на «повиновение за страх, а не на совесть». Усиливались карательные санкции норм права, тогда как их моральная сила ослаблялась. Предотвратило ли революцию действие Положения на территории империи? Во время революционных событий 1905 года режим усиленной охраны сменяется режимами чрезвычайной охраны и военным положением именно в тех городах и местностях, где усиленная охрана действовала с 1881 года. Это говорило о том, что полицейский режим, опиравшийся на произвол и жёсткие санкции, являлся шаткой конструкцией порядка и требовал значительных сдерживающих ресурсов для стабилизации, особенно в условиях внешних вызовов. Логика исключительного положения подталкивала режим к постоянной демонстрации превосходства над населением. В то же время бездействие или уступки со стороны режима начинали трактоваться различными слоями общества как проявления слабости и побуждали к активному противодействию.

VII

Внешнее спокойствие в период между 1881 и 1901 годами скрывало за собой нарастание мощного конфликтного потенциала в обществе одновременно по нескольким линиям. Быстрый демографический рост в деревне обнажал проблемы, связанные с ограничительным характером крестьянской реформы 1861 года. Даже

усилившийся отток населения в города, а также в Сибирь и на Кавказ не компенсировал недостаток земли у крестьян Центральной и Чернозёмной России (Нефедов, 2005: 306). В деревне зрело глухое недовольство. Стремительный промышленный рост и ускоренная урбанизация в 1890-е годы сформировали новый беспокойный в политическом отношении слой городского пролетариата. Испытывало неудовлетворение среднее и мелкое дворянство, терявшее свои экономические позиции в ходе крестьянской реформы, но имевшее ещё сильную опору в земских учреждениях (Соловьев, 1981: 3–4).

Революция 1905–1907 гг. началась с фронды земств во второй половине 1904 года в разгар Русско-японской войны. Причиной фронды было глубокое разочарование дворянских кругов неспособностью верховной власти обеспечить им необходимую экономическую помощь в ведении сельского хозяйства. В то же время дворянство чувствовало нарастающую угрозу своим интересам со стороны крестьян (Соловьев, 1981: 14). Как и в прошлом, земское дворянство выдвинуло либеральные требования введения общероссийского выборного представительства. При помощи этого института дворянство намеревалось всего лишь модернизировать самодержавие и приструнить имперскую бюрократию. «Банкетная кампания» с требованием созыва Учредительного собрания осенью 1904 года вызвала замешательство в правительственных кругах. Произошёл раскол столичной бюрократии на противников и сторонников либеральных требований земства. Однако неожиданно в события стали вмешиваться другие факторы.

Остаётся неясным, в какой мере земское движение оказало влияние на политическое брожения рабочих промышленных центров империи. Судя по всему, следует согласиться с мнением Теодора Шанина о том, что в революции 1905–1907 гг. действовали несколько самостоятельных революционных движений (Шанин, 1997: 74–139). На самой первой стадии это было земство, которое уже в течение 1905 года стало отыгрывать назад. Либеральные требования земства подхватило более радикальное движение городской интеллигенции и студенчества. Затем на сцену революции вышли сначала городской пролетариат и, наконец, крестьянство. Каждый из этих потоков реагировал на свои специфические проблемы, обострённые Русско-японской войной, и подчинялся своей логике революционных действий.

Конфликт рабочих с администрацией Путиловского завода в Петербурге в декабре 1904 года и последовавшая безрезультатная забастовка 3 января 1905 года с требованием восстановить уволенных рабочих стали причинами массового негодования путиловцев и проявления к ним сочувствия со стороны рабочих других столичных предприятий. На фоне негодования и безуспешных переговоров с властями изначально экономические требования рабочих политизировались. На 9 января было намечено массовое шествие с подачей петиции, в которой наряду с заимствованным у либералов требованием созыва Учредительного собрания содержались требования против полицейского режима самодержавия¹⁸. Расстрел

18. В Петиции, в частности, выдвигались требования свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, собраний, свободы совести, равенства всех перед законом, ответственности

демонстрации 9 января 1905 года вызвал вспышку массового протеста рабочих по всей России и послужил *de facto* началом революционных событий¹⁹. Наиболее ожесточенный характер рабочее движение приняло в Польше и в прибалтийском регионе, где антиправительственные выступления сопровождалось призывами против мобилизации мужского населения на Русско-японскую войну.

Общая дестабилизация политической обстановки, неудачный ход войны, убийство 4 февраля 1905 года дяди царя, генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича вынудили Николая II пойти на уступки. Под председательством нового министра внутренних дел Александра Булыгина было созвано Особое совещание для определения компетенции выборного представительства, которое всё же решено было учредить. Однако подготовленный к лету проект законсовещательного, а не законодательного органа вызвал широкий протест земских кругов, интеллигенции и студенчества. Переломным событием осени 1905 года стала стихийно возникшая в начале октября Всероссийская политическая стачка. Забастовка железнодорожников парализовала промышленность, к забастовке в скором времени присоединились рабочие других отраслей и студенчество. В стачке участвовали около 2 млн человек. Ситуация вышла из-под контроля властей. Полиция не справлялась. После того как двоюродный дядя царя великий князь Николай Николаевич отказался принять на себя роль диктатора для подавления беспорядков, сославшись на недостаток войск, Николай II согласился подписать Манифест 17 октября (Витте, 1994, т. 2: 43).

Уже в октябре в деревню стали просачиваться известия о массовых революционных волнениях в городах. Крестьяне расценивали поступающие сведения как явный признак ослабления государственной власти. Началась цепная реакция крестьянских выступлений против помещиков в Центрально-Черноземной России (Шанин, 1997: 147–169). «В основе взрыва лежал, без сомнения, постоянный и усиливающийся кризис крестьянской экономики... Его главным компонентом был порочный круг: быстро уменьшающиеся земельные наделы, недостаточные доходы, как и инвестиции, давление долгов и налогов, взлёт арендных платежей и нехватка альтернативных или дополнительных источников занятости и доходов. Всё это вело к обнищанию крестьянства» (Шанин, 1997: 153–154). Обстановку в деревне усугубил неурожай, который привел к голоду в 25 центральных губерниях и радикализировал сознание крестьян. Уступки верховной власти воспринимались крестьянами по старому шаблону как возможность скорого и справедливого решения крестьянского вопроса сверху: передачи крестьянам оставшейся части земли помещиков.

министров перед народом, гарантий законности правления, амнистии политических заключенных, отделения церкви от государства и др. (Шилов, 1925).

19. Характерно, что сама подготовка к шествию 9 января за короткий период крайне радикализировала сознание столичных рабочих, став своеобразным водоразделом. Священник Георгий Гапон на собраниях перед шествием открыто говорил, что если царь не выслушает требования рабочих, то царя для рабочих больше не может существовать. В этом контексте на собраниях был выдвинут и нашёл всеобщую поддержку лозунг «Долой царя» (Гапон, 1990).

Завершение Русско-японской войны в сентябре 1905 года позволило правительству начать ускоренную переброску регулярных войск с Дальнего Востока в Центральную Россию. Это обстоятельство и решило судьбу революции. Совместными усилиями войск и казачества восстание удалось погасить (Трут, 2013). Лояльность армии и казачества оказалась определяющим фактором в деле усмирения революционных выступлений. В то же время революционные события 1905–1907 гг. показали, что полицейская реакция Александра III — консервативный поворот и усиление полицейских мер — потерпела крах. Кровавые репрессии, разгон крестьянских I и II Дум означал, что самодержавие не могло уже опираться на крестьянство в целом, но уже и не могло обойтись хотя бы без видимости народного представительства (Аврех, 1991: 34).

Третьеиюньский переворот 1907 года подготовил условия для проведения управляемой крестьянской реформы сверху и создания цензового представительства, урезавшего права крестьян в части избирать и быть избранными в Государственную Думу. Столыпинская крестьянская реформа включала ряд перспективных новаций, однако сохраняла архаику в виде помещичьего землевладения, сильно раздражавшего крестьян (Аврех, 1991: 91–92). С другой стороны, третьеиюньский переворот создал неустойчивую политическую конструкцию. Для проведения намеченного политического курса в III Думе верховная власть вынуждена была лавировать между правоцентристским и левоцентристским большинством (Аврех, 1985: 3–4). После третьеиюньского переворота стали наглядно проявляться признаки дефляции верховной власти. Поражение в Русско-японской войне, кровавое подавление революции девальвировали и без того уже пошатнувшийся престиж самодержавия. Социальная база режима сузилась до его поддержки главным образом крайне правыми элементами дворянства и общества. Кроме того, сохранение чрезвычайных положений в ряде губерний говорило о том, что несущей опорой самодержавия оставались полицейские репрессии. В то же время режимы чрезвычайной и усиленной охраны подрывали само единство центрального управления.

Неустойчивая конфигурация власти, созданная после третьеиюньского переворота и отягощенная дефляционными процессами, могла существовать только в относительно стабильных условиях, в силу инерции. Всё изменила Первая мировая война. В самом начале войны Николай II пытался использовать эмоциональный подъём монархически-патриотической мобилизации общества перед лицом внешней угрозы для укрепления престижа верховной власти (Колоницкий, 2010: 73–130). На первых порах казалось, что былой престиж самодержавия отчасти восстанавливается. Однако опрокинув все первоначальные расчеты, война приняла затяжной, позиционный характер и предъявила новые требования в организации тыла с целью повышения эффективности и размаха военных операций (МакНил, 2008: 365–366). Чтобы успешно вести ширококомасштабные боевые действия, необходимо было на протяжении многих месяцев кормить, снаряжать, вооружать, обучать и лечить миллионы людей. Кроме того, нужно было поддерживать мо-

ральный дух армии и населения в тылу, оправдывая приносимые ими жертвы на алтарь победы. После того как к концу 1914 года стало ясно, что быстрой победы не состоится, а для продолжения войны требуются новые мобилизации на фронт и очередные пожертвования, патриотический запал начал ослабевать, и на поверхность вышла проблема высшего смысла участия в войне.

Именно провал тыла на фоне крупных военных поражений весны-лета 1915 года вызвал крайнее замешательство в обществе и обострил противоречия в политическом руководстве. Оказавшись перед угрозой изоляции, Николай II пошёл на реорганизацию правительства, уволив летом ряд непопулярных министров (Аврех, 1989: 83). Новый состав правительства сразу же предпринял попытки заручиться поддержкой Думы и общественности в лице земско-городских союзов. Однако эти попытки встретили отпор со стороны окружения Николая II, что и стало поводом для так называемой «министерской забастовки». Параллельно этому процессу на фоне глубокого разочарования военными поражениями и дезорганизацией тыла в думских кругах вызревал союз правоцентристов и либералов, оформившийся к концу лета в Прогрессивный блок. Образование оппозиционного Прогрессивного блока резко сузило возможности верховной власти в деле конструктивного сотрудничества с Думой, хотя оппозиционность нового большинства была весьма умеренной.

Переломным событием, перечеркнувшим все расчеты для достижения политического компромисса, стало увольнение в конце августа с поста Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, заподозренного ближайшим окружением Николая II в намерениях узурпации верховной власти, и решение царя самому возглавить армию. Покончив с «министерской забастовкой», ближайшее окружение Николая II, распутинская клика, монополизировала контроль над кадровой политикой. Именно с этого времени начинается определяющее влияние на решения Николая II его супруги Александры Федоровны и стоящего за ней Распутина. И именно с этого времени начинает раскручиваться дефляционная спираль кризиса власти, которая приводит к «министерской чехарде» и выходу из строя механизмов обычных методов управления, к полному отчуждению власти от общества и утрате остатков авторитета, восстановленного отчасти на волне православно-патриотической мобилизации в первые месяцы войны (Аврех, 1989: 174–175).

Хотя к началу 1916 года удалось наладить производство военной продукции в требуемых для армии объёмах, сделано это было ценой раскрутки инфляционного маховика. Увеличивая денежную массу, правительство изымало недостающие средства на ведение войны путём перекалывания издержек на население в виде роста цен и снижения потребления (Прокопович, 1917: 61). К концу 1916 года инфляция практически вышла из-под контроля, цены выросли почти в четыре раза, а уровень зарплат в городах заметно отстал от их роста. Галопирующая инфляция и дефицит товаров повседневного потребления вынуждали крестьян сокращать поставки продовольствия на рынок. Сложилась критическая ситуация: продолжать

снабжение двенадцатимиллионной армии стало возможным только путем прямого изъятия недостающего продовольствия у крестьян, то есть путем организации полицейских рейдов, что и предусматривала продрозвёрстка, введенная в конце 1916 года. Поскольку и этих мер оказалось недостаточно, а приоритет в снабжении отдавался армии, в городах всё острее ощущалась продовольственная проблема.

Наиболее ощутимые удары по пошатнувшимся позициям абсолютизма, находившегося с осени 1915 года в дефляционном пике, были нанесены распространявшимися слухами о влиянии на «безвольного самодержца» «темных сил» и необратимыми изменениями в настроениях и дисциплине армии. В первом случае широкое обращение слухов не просто размывало фрейм суверенной власти. Как отмечает Б. Колоницкий, «как это не раз бывало в русской истории, царь, якобы лишенный истинных монархических качеств, воспринимался порой как подменённый государь... Так, в октябре 1916 года в Саратовское жандармское управление сообщалось, что по Камышинскому уезду ходит некая странница, которая «секретно внедряет в головы темной народной массы», что Николай II «не есть государь природный, а отпрыск жидовской крови, узурпировавший будто бы престол у Великого князя Михаила Александровича». Отмечалось, что «масса — верит, передает об этом друг другу и пропаганда под секретом разрастается» (Колоницкий, 2010: 225)²⁰. Начиная с осени 1916 года циркулирование самых невероятных слухов превращало самодержавие фактически в народного *врага*, особенно когда образ Николая II под воздействием перетолков о сепаратном мире стал тесно ассоциироваться с «изменой в верхах». Вполне возможно, что именно глубокие изменения символического восприятия самодержавия по ходу Первой мировой войны заложили основу для его поразительно легкого исчезновения с исторической сцены в Феврале 1917 года²¹.

Изменения в настроениях и дисциплине армии носили не менее фундаментальный характер. По прошествии двух напряжённых лет военных действий из-за боевых потерь выбыл лучший кадровый состав солдат и офицеров, на котором держались традиции и дисциплина регулярных войск. Замещавшие выбывшие ряды «офицеры и солдаты в подавляющем большинстве носили мундир всего несколько месяцев, а то и несколько недель. Ни те, ни другие не получали надлежащего военного образования и воинского воспитания. Прошедший трехнедельный, в лучшем случае — двухмесячный курс учения в запасном полку, солдат попадал под команду офицеру, прошедшему столь же поверхностное учение в школе прапорщиков или на ускоренном курсе военного училища» (Керсновский, 1994: 248). Таким образом, постоянная смена кадрового состава солдат и офицеров низших званий вызвала *ослабление традиционных механизмов социализации и социально-*

---

20. Едва ли стоит сомневаться, что приведённый пример был далеко не единичным, а типичным явлением тех лет.

21. В этом отношении не стоит сбрасывать со счетов и историческую память населения. Ко времени Первой мировой войны повзрослели дети множества крестьянских семей, хорошо помнящие, как их родителей подвергали кровавым расправам во время революционных событий 1905–1907 гг.

го контроля в армии. Неслучайно к началу 1917 года двенадцатимиллионную армию стали называть наспех «вооруженным народом».

Позиционный характер войны вынуждал солдат проводить большую часть времени в окопах в ожидании атак противников. «Окопное сидение создавало непрошенные досуги, которых не умели заполнить. Праздность рождала праздные мысли. Вопрос „за что воюем?“... приобрел первостепенную важность для вооруженного народа» (Керсновский, 1994: 254). Внятного ответа на этот вопрос дать никто не мог, зато окопная среда создавала благодатную почву для самых небывалых слухов о «темных силах» и предателях в тылу. Особенно напряжённой оказалась ситуация в запасных полках. Под запланированное наступление весной 1917 года была проведена очередная мобилизация, которая уже затронула мужское население выше среднего возраста, отцов семейств, решительно не желавших оправляться на фронт. Именно запасные батальоны, сосредоточенные в городах и прежде всего в столице империи Петрограде, стали пороховой бочкой революции. Нужна была только искра.

Как сообщал 19 января 1917 года начальник Петроградского охранного отделения Константин Глобачёв, в ноябре 1916 года под влиянием запрещённых властями речей депутатов Думы Милюкова, Керенского, Шульгина произошла резкая перемена отношения петроградцев к парламенту. В оппозиционной Думе разом увидели выразительницу интересов народа. Глобачёв подчеркивал, что «ноябрьские события, дав толчок политическим разговорам обывателей, тем самым содействовали тому, что все политические чаяния населения оказались связанными с именем Думы» (Блок, 2012: 394). Возникшая дихотомия «хорошая Дума/плохое правительство», нахлобиченная на разнообразные слухи о предательстве в верхах, на озлобление дороговизной и страхи перед коллапсом инфраструктуры города, поляризовала сознание горожан. Глобачёв резюмировал, что «ожидаемый массами в феврале месяце роспуск Государственной Думы не обязательно вызовет, но легко может вызвать общую забастовку, которая объединит в себе всевозможные политические направления и которая, начавшись под флагом популярной сейчас „борьбы за Думу“, окончится требованиями окончания войны, всеобщей амнистии, всех свобод и пр.» (Блок, 2012: 399–400).

Однако события, которые прогнозировал начальник столичного Охранного отделения, приняли более жёсткий, радикальный оборот. В январе 1917 года в Центральной России выпало много снега, что затруднило и без того крайне тяжелую обстановку с железнодорожным сообщением. Предприятия военно-промышленного комплекса стали испытывать перебои поставок сырья. Именно недостаток сырья привел к февральскому решению военной администрации Путиловского завода о массовом увольнении рабочих. Это решение и послужило детонатором революционного взрыва. Как показал Б. Колоницкий, цепная реакция солидарности петроградских рабочих и жителей столицы стала возможной потому, что широкой популярностью пользовалась альтернативная политическая символика — символика революционного подполья (Колоницкий, 2012: 14–36). Песни про-

теста и красные флаги сыграли роль важнейших инструментов самоорганизации улицы. 27 февраля вспыхнуло восстание запасных батальонов столицы, которое и решило исход революции. Удержать порядок силами петроградской полиции и частью войск, ещё сохранявших лояльность режиму, оказалось невозможным.

С красными флагами и под исполнение «Марсельезы» солдаты различных частей 180-тысячного Петроградского гарнизона двинулись к Таврическому дворцу, ставшему символом альтернативного центра власти. Торжественные марши революционных войск демонстрировали лояльность гарнизона — вооружённой силы — ещё только образующейся новой власти. Эти события переживались как «праздник свободы» и знаменовали радикальный слом фрейма самодержавной власти и старого полицейского порядка. Именно это обстоятельство и позволило Николаю Суханову решительно сделать вывод, что «дело революции было безвозвратно выиграно! ...Николай ещё гулял на свободе и назывался царём. Но где был царизм? Его не было. Он развалился одним духом. Строился три века и сгинул в три дня».

Серьёзность положения в столице осознали в Могилёве, Ставке Верховного главнокомандующего, где находился Николай II, только к вечеру 27 февраля (Иоффе, 1992: 33). Последовала стандартная реакция — организовать в Петроград карательную экспедицию, которую Николай II поручил своему доверенному лицу генералу Иванову. Однако по мере того как в Ставку стали приходить всё более тревожащие сведения об обстановке в столице — прежде всего по линии председателя Думы Родзянко, которого начальник штаба Ставки генерал Алексеев стал рассматривать посредником в деле урегулирования политического кризиса, — настроения генералитета резко ухудшились. В восприятии генералов во весь рост встала проблема неопределённости, которая обострялась страхом дестабилизации армии в условиях войны. Как уже было отмечено, двенадцатимиллионная армия трансформировалась в «вооруженный народ». Ненадежность войск признавали сами генералы, в том числе новоиспеченный диктатор генерал Иванов (Кондаков, 2005). Генералам настоятельно требовалась политическая определённость. Сначала они увидели решение в «ответственном министерстве» и добивались от Николая II этой уступки, а затем, поддавшись на авантюру Родзянко, пытавшегося разыграть рокировку в целях спасения монархии, потребовали уже отречения Николая II. Для генералов отречение представлялось ситуативным решением острой проблемы политической неопределённости, как оказалось — решением эфемерным. Для Николая II это была измена, отказ последней опоры самодержавия.

Первыми решениями Временного правительства стали ликвидация институтов полицейского государства самодержавия, установление свобод и равноправия граждан новой России.

* * *

Основная задача данной статьи состояла в проверке пяти гипотез, при помощи которых предстояло охарактеризовать полицейский порядок эпохи абсолютизма в России и причины его краха в ходе Февральской революции 1917 года. Первая гипотеза предполагала выделение главного свойства этого порядка — *принуждения*, в отличие от других констант: приверженности порядку на основе совместно разделяемых норм или рационального расчета. Историческим свидетельством в пользу этой гипотезы служат процессы закрепощения крестьян в эпоху раннего самодержавия, бесправное положение крестьян в период расцвета абсолютизма и проведение крестьянских реформ в интересах основных бенефициариев порядка — высших сословий империи. Вопреки представлениям об устойчивости абсолютистских режимов на базе традиционной легитимации, мы пытались показать, что российское самодержавие испытывало хронический дефицит *ресурсов легитимации*. Свидетельствами в пользу этой гипотезы служат как подчинение на заре становления самодержавия православной церкви государству и использование этого института в качестве своеобразного полицейского органа, так и использование основной массой крестьян любого подходящего повода для миграции или бунта против установленного порядка. Совсем неслучайно глава Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, шеф жандармов А. Бенкендорф отмечал, что крепостное право — это «пороховая бочка под государством».

Власть абсолютистских режимов основывается на демонстрации силового превосходства на подконтрольной территории и нуждается в соответствующих символах репрезентации. Проявления нерешительности, тем более — на длительных интервалах времени, указывают на слабость власти и создают почву для кризиса. В этой связи была выдвинута гипотеза о *дефляции власти* как драйвере кризисных процессов. Тем не менее для российского самодержавия вплоть до начала XX века были характерны преимущественно инфляционные процессы, выражавшиеся в усилении мер полицейского контроля и в минимуме уступок в качестве типичной реакции на требования общества. Пик инфляционных процессов пришелся на правление Александра III. Выраженные признаки дефляции власти появились после революции 1905–1907 гг.

Однако в условиях военных мобилизаций, когда самодержавию приходилось обращаться с патриотическим призывом к обществу, его инфляционный образ девальвировался. Войны, начиная с Крымской войны, приводили к серьезным политическим кризисам. Отсюда выдвигалась гипотеза, что *форсированные структурные изменения* в ходе военных мобилизаций перегружали возможности полицейского контроля и ставили режим на грань развала. Только лояльность регулярной армии оказывалась единственным средством стабилизации порядка.

Первая мировая война вызвала масштабные структурные изменения общества. На третьем году войны сохранение репрессивного полицейского режима

оказалось проблематичным ввиду полной символической девальвации образа Николая II. Ближайшей причиной Февральской революции, как предполагает пятая гипотеза, стала стремительная *политизация сознания* петроградцев на фоне обострённого восприятия власти как зла, которое невозможно больше терпеть.

Предложенная концепция революции на основе темпорального совпадения трех факторов — дефляции власти, форсированных структурных изменений и ситуативной активизации политического сознания — требует, вне всякого сомнения, дальнейшей детализации и проверки её достоверности на других исторических примерах. Это — задача будущих исследований.

Литература

- Аврех А. Я. (1985). Распад третьеиюньской системы. М.: Наука.
- Аврех А. Я. (1991). П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат.
- Аврех А. Я. (1989). Царизм накануне свержения. М.: Наука.
- Андреев А. (Сост.). (2001). Российская государственность в терминах: IX — начало XX в.: Словарь. М.: Крафт+.
- Бабкин М. (2008). События первой российской революции и Святейший Синод Русской Православной Церкви (1905–1906). URL: <http://krotov.info/history/20/1900/1906babkin.htm> Дата доступа: 13.10.2013.
- Бестужев И. В. (1956). Крымская война 1853–1856 гг. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Блок А. (2012). Последние дни императорской власти. М.: Прогресс-Плеяда.
- Булдаков В. П. (1997). Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОСПЭН.
- Витте С. Ю. (1994). Воспоминания. В 3-х тт. М.: Скиф Алекс.
- Вишняк М. В. (1924). Падение русского абсолютизма // Современные записки. № 18. С. 231–264.
- Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. (1885) // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. 1. № 350. С. 261–266. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php Дата доступа: 12.11.2013.
- Гапон Г. (1990). История моей жизни. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_g/gapono.php Дата доступа: 15.11.2013.
- Гессен В. М. (2005). Исключительное положение. Харьков: Эспада.
- Гоббс Т. (1991). Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ. А. Н. Гутермана // Гоббс Т. Сочинения в 2 тт. Т 2. М.: Мысль. С. 3–545.
- Голдстоун Дж. (2006). К теории революции четвертого поколения / Пер. с англ. Н. Эдельмана // Логос. № 5. С. 58–103.
- Духовный регламент. (1721). URL: <http://www.krotov.info/acts/18/1/1721regl.html> Дата доступа: 12.10.2013.

- Зайончковский П. А.* (1964). Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М.: Издательство Московского университета.
- Зайончковский П. А.* (1968). Отмена крепостного права в России. М.: Просвещение.
- Иоффе Г. З.* (1992). Революция и судьба Романовых. М.: Республика.
- Индова Е. И.* (Ред.). (1987). Российское законодательство X–XX веков. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. М.: Юридическая литература.
- Керсновский А. А.* (1994). История русской армии. Т. 4: 1915–1917 гг. М.: Голос.
- Кильдюшов О. В.* (2013). Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. Т. 12. № 3. С. 9–40.
- Ключевский В. О.* (1989). Сочинения в 9 т. Т. 4: Курс русской истории. Ч. 4 / Под ред. В. И. Янина. М.: Мысль.
- Колоницкий Б. И.* (2010) «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: НЛО.
- Колоницкий Б. И.* (2012). Символы и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб.: Лики России.
- Колпакиди А. И., Север А. М.* (2010). Спецслужбы Российской Империи. М.: Эксмо.
- Кондаков Ю. Е.* (2005). «Бумажный» поход генерала Н. И. Иванова на Петроград. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=103274> Дата доступа: 28.02.2013.
- Литвак Б. Г.* (1991). Реформы и революции в России // История СССР. № 2. С. 85–96.
- МакНил У.* (2008). В погоне за мощью: технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М.: Территория будущего.
- Мельгунов С. П.* (1961). Мартовские дни 1917 года. Париж.
- Нефедов С. А.* (2005). Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург: Изд-во УГГУ.
- Никонов В.* (2011). Крушение России. 1917. М.: АСТ, Астрель, Харвест.
- Парсонс Т.* (1993). Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Пер. с англ. Н. Л. Поляковой // THESIS. Т. 1. № 2. С. 299–313.
- Поликарпов В. В.* (2005). 22–23 февраля 1917 года в Петрограде // Вопросы истории. № 10. С. 10–24.
- Прокопович С. Н.* (1917). Война и народное хозяйство. Москва.
- Пайтс Р.* (1996). Три «почему» русской революции / Пер. с англ. В. Е. Аллоя. М.; СПб.: Atheneum.
- Пайтс Р.* (2004). Россия при старом режиме / Пер. с англ. В. Козловского. М.: Захаров.
- Раев М.* (2000). Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытки сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара: Самарский университет.
- Регламент или устав главного магистрата. (1830) // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. 6. С. 296. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php Дата доступа: 27.10.2013.

- Соборное уложение. (1830) // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. 1. № 350. С. 2–161. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
Дата доступа: 24.10.2013.
- Соловьев Ю. Б. (1981). Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Ленинград: Наука.
- Сорокин П. А. (1992). Социология революции // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат. С. 266–294.
- Суханов Н. Н. (1991). Записки о революции. М.: Издательство политической литературы.
- Тилли Ч. (2009). Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. / Пер. с англ. Т. Б. Менской. М.: Территория будущего.
- Токвиль А. (1997). Старый порядок и революция / Пер. с фр. М. Федоровой. М.: Московский философский фонд.
- Томсинов В. А. (2011) Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы: комментарии // Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762–1782 годы / Сост. В. А. Томсинов. М.: Зерцало. С. xi–xxiii.
- Трут В. П. (2013). Роль казачества в подавлении революции 1905–1907 годов. URL: http://www.moskvam.ru/publications/publication_215.html Дата доступа: 17.11.2013.
- Уортман Р. (1991). Николай II и образ самодержавия // История СССР. № 2. С. 119–128.
- Уортман Р. (2002). Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I / Пер. с англ. С. Житомирской. М.: ОГИ.
- Филиппов А. Ф. (2006). Триггеры социальных событий // Логос. № 5. С. 104–117.
- Чувардин Г. С. (2013). Русская императорская гвардия в событиях революции 1905–1907 гг. URL: <http://www.oiros.org/public/р04/004.htm> Дата доступа: 11.10.2013.
- Шанин Т. (1997). Революция как момент истины: Россия 1905–1907 гг. — 1917–1922 гг. М.: Весь Мир.
- Шилов А. А. (1925). К документальной истории «Петиции» 9 января 1905 г. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_sh/shilov1905.php. Дата доступа: 15.11.2013.
- Шульгин В. В. (1990). Годы. Дни. 1920. М.: Новости.
- Goldstone J. A. (2008). Pathways to state failure // Conflict Management and Peace Science. Vol. 25. № 4. P. 285–296.
- Johnson Ch. (1966). Revolutionary change. Boston: Little Brown & Company.
- Münch R. (2004). Soziologische Theorie. Band 3: Gesellschaftstheorie. Frankfurt am Main: Campus Verlag.
- Neocleos M. (2000). The fabrication of social order: a critical theory of police power. London: Pluto Press.
- Parsons T. (1964). The social system. New York: The Free Press of Glencoe.
- Skocpol Th. (1979). States and social revolutions: a comparative analysis of France, Russia, and China. New York: Cambridge University Press.